

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

РАФАЭЛЬ

АБАЛОС

ПЕЛЛЕГРИ

СТРАХА

Интригующая и до краев
наполненная действием история.
Захватывающий спуск в самые
темные уголки души.

La casa del libro

Рафаэль Абалос — известный испанский писатель, автор бестселлеров,
изданных в **27** странах мира

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Иностранный детектив

Рафаэль Абалос

Пелена страха

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

Абалос Р.

Пелена страха / Р. Абалос — «Центрполиграф»,
2017 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08454-5

В Лейпциге у знаменитого памятника Битве народов обнаружены трупы пяти девушек. Сотрудники отдела по расследованию убийств пережили шок, когда увидели место преступления, которое было больше похоже на театральную мизансцену. Тела девушек в эротичном нижнем белье лежали в саркофагах, мастерски изображенных на холстах в трех измерениях, отчего при взгляде сверху у зрителя создавалось впечатление, что перед ним настоящее открытое захоронение. При ближайшем рассмотрении белье тоже оказывается нарисованным на обнаженных телах, на их спинах обнаруживают нарисованные раны, из которых торчат кинжалы со странным символом на рукояти...

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-227-08454-5

© Абалос Р., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Часть первая. Золотые глаза	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	57
Глава 17	61
Глава 18	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Рафаэль Абалос

Пелена страха

Rafael Ábalos
Las Brumas del Miedo

© Rafael Ábalos, 2017
© Перевод, «Центрполиграф», 2019
© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Часть первая. Золотые глаза

Глава 1

- Ты уверена?
- Да.
- Нервничаешь?
- Немного.
- Но это ужасно.
- Знаю.
- Я боюсь, что ты будешь страдать.
- Мне будет хорошо.
- Тогда закрой глаза и – прощай.

Глава 2

«Ты должен сам все увидеть и сфотографировать с воздуха, прежде чем начнешь проводить детальный осмотр места преступления. Я не хочу, чтобы у тебя возникло предвзятое мнение о том, что ты там обнаружишь. Никто, кроме того типа, который позвонил на 112, не знает толком, о чем идет речь». Это было все, что сказал ему комиссар Клеменс Айзембаг, когда в шесть утра вырвал его из сна, глубокого и пустого, как небытие.

Кlaus Бауман пригнул голову, сжал в руке цифровую камеру и, пробежав сквозь плотный вихрь, производимый винтом вертолета, забрался в стеклянную кабину. Посмотрел на пилота и поднял руку в знак приветствия. Потом положил камеру у ног, пристегнул ремень безопасности, достал из кармана куртки мобильник и наушники, подключил их, сунул в уши и надел шлем.

Пока хрупкая механическая стрекоза поднималась над спящим Лейпцигом, Klaus Бауман запустил Спотифай и установил громкость смартфона на максимум. Каждый раз, когда ему случалось летать на вертолете, он выбирал одну и ту же песню группы «Колдплей» – «Да здравствует жизнь». Эти три слова были для него не просто названием музыкальной композиции. Klaus Бауман мысленно повторял их, как мантру, каждый раз, когда начинал расследование очередного преступления. Парадоксальный ход для полицейского, занимающегося расследованием убийств, – прославлять жизнь, прежде чем углубиться в запутанные сценарии смерти.

Успокаивающая гармония музыки, заглушая грохочущий звук пропеллера, превращала его в неслышную уху вибрацию. Сквозь боковую стеклянную дверь Klaus смотрел на освещенные пропасти городских улиц и обдумывал краткую информацию по делу, которую сообщил ему комиссар.

Прошло меньше года с тех пор, как Klaus Бауман вернулся в Лейпциг в качестве начальника отдела по расследованию убийств в местной ландесполиции. Со стороны саксонских властей это было высшим проявлением признания его заслуг за время работы инспектором полиции Дрездена. В свои тридцать девять он отличался блестящим умом, без лишнего тщеславия и высокомерия, был хитер и изворотлив, но строго в пределах разумного. Еще будучи совсем молодым, Klaus женился на Ингрид – своей сокурснице по академии, в которую влюбился с первого взгляда в тот день, когда они встретились в полицейской школе Саксонии.

Klaus посмотрел на черное ночное небо и, сам не зная почему, задумался о своей семье: представил дочь-подростка Карлу, забравшуюся в постель к матери, как она это делала каждый раз со дня рождения маленькой Берты, если он вставал слишком рано, возвращался слишком поздно или всю ночь отсутствовал дома.

Светало. На востоке у горизонта среди длинных серых туч появились легкие оранжевые сполохи.

Вертолет начал облетать окрестности города вблизи Вильгельм-Кюлц-парка и через несколько минут стал снижаться, чтобы приблизиться к памятнику Битве народов. Внизу, на проспекте Рихарда Лемана стояло несколько полицейских машин, преграждавших доступ к башне. Другие ждали у пруда с включенными мигалками. Комиссар отдал всем подразделениям строгий приказ, чтобы никто, «включая даже криминалистов», не приближался к месту преступления без разрешения старшего инспектора Клауса Баумана.

Музыка в наушниках звучала в постепенно ускорявшемся ритме, усиливая тошноту, вызванную кружением вертолета вокруг купола башни. Купол поддерживали двенадцать огромных статуй бородатых средневековых рыцарей, высеченных из камня. Klaus опасался, что вот-вот коснется их руками... или его вырвет прямо на них.

У подножия башни располагались открытая площадка и прямоугольный пруд с позеленевшей водой. С высоты парящего вертолета они не казались Клаусу Бауману огромными.

Приготовив фотокамеру с телеобъективом, он сделал знак второму пилоту, и, повинувшись его команде, механическая стрекоза выбросила на площадку перед памятником мощный пучок белого света.

– Держись на месте! – крикнул Клаус.

Однако он даже не слышал своего голоса, его заглушала музыка, гремевшая в его наушниках, пока он с недоверием смотрел на пять открытых гробниц на площадке, словно недавно раскопанное археологами древнее кладбище. Эти пять захоронений располагались перпендикулярно центральному фасаду монумента на расстоянии не более метра друг от друга. Они имели форму шестиугольных саркофагов, внутри были четко видны безжизненные тела пяти девушек, создававшие мрачную загадочную картину, смысл которой Клаус Бауман не мог понять с высоты парящего над жуткой сценой вертолета.

– Что это за чертовщина? – громко спросил он, одновременно делая снимки со вспышкой и показывая пилоту, чтобы он постепенно снижался и дал возможность снять место преступления с разных расстояний и ракурсов.

Прodelав несколько быстрых пируэтов, вертолет приземлился рядом с прудом, вызвав на воде бурное волнение. Клаус Бауман одним прыжком оказался на земле и, не вынимая наушников, направился к человеку, ожидавшему у входа в монумент рядом с портиком. Незнакомый, закутанный в длинное черное пальто с поднятым воротником, с безразличным видом стоял, прислонившись к одной из боковых стен и сунув руки в карманы.

– Полагаю, это вы звонили на 112, – бросил Клаус.

Мужчина ограничился легким утвердительным наклоном головы в черной шерстяной шапке. Он был высоким и грузным, с заметными темными кругами под глазами, длинной рыжеватой бородой и густыми усами, кончики которых загибались вверх. Однако, несмотря на жутковатый облик, черты его веснушчатого лица были слишком правильными, чтобы выглядеть пугающими.

Клаус Бауман сделал мужчине знак рукой, чтобы тот оставался на месте. Подойдя ближе к месту преступления, он понял, что пять каменных саркофагов, внутри которых, как ему показалось с вертолета, лежали безжизненные тела, – всего лишь мастерски выполненные на холстах трехмерные картины, изображавшие саркофаги. Мертвые девушки лежали на картинах, как на ковриках.

Клаусу с трудом верилось, что они действительно мертвы, настолько спокойными и умиротворенными выглядели лица девушек и настолько красивыми были их тела.

Девушки отличались друг от друга цветом волос, подстриженных и уложенных весьма замысловатым образом. Веки закрытых глаз с длинными ресницами изысканно подчеркивали темные тени. Чувственные пухлые губы, слегка тронутые помадой, казались невинными и в то же время грешными. Все пятеро были одеты в разные комплекты черного полупрозрачного нижнего белья: длинные перчатки, пояс с подвязками, чулки, трусики и бюстгалтеры, сквозь которые просвечивали соски и красиво очерченный треугольник лобка. На ногах красовались элегантные черные туфли с высоким каблуком-шпилькой.

Клаус Бауман подумал, что вся эта загадочная мизансцена несла в себе большую долю извращенного эротизма, одновременно возвышающего и вызывающего отвращение. И хотя ему приходилось сталкиваться со множеством самых разных обликов смерти, которые способны изобрести умы психопатов со всего света, он никогда не испытывал подобного ощущения.

«Красота ужаса», – мысленно сказал он себе, делая новые снимки девушек, окутанных влажной атмосферой раннего утра.

Подойдя вплотную, он тщательно рассмотрел их. Ни у одной не было сережек, колец, браслетов, пирсинга или татуировок. И ни на одном теле не было следов насилия: ни ран, ни

ссадин, ни синяков. Кроме того, дотронувшись до одной из них, он понял, что белье девушек, так же как и саркофаги, было нарисовано на их телах.

Глава 3

Мы все храним один и тот же секрет, но говорить о нем запрещено. По крайней мере, до тех пор, пока мы не примем противоположного решения. Все остальное мы можем обсудить в свое время. После нашего виртуального знакомства в Интернете я создала в Сети этот чат и установила правила, которые являются условием участия в моем проекте и не зависят от того, кто мы на самом деле.

Это не Гугл, не Фейсбук, не Твиттер и не Ватсап... Это нечто совсем другое, гораздо более глубокое и запредельное, гораздо более реальное и правдивое, несмотря на нашу анонимность. Мы – шесть девушек от двадцати до тридцати лет, со своими странностями, капризами и определенными проблемами. И никогда в этом чате не будет никого, кроме нас. Никто другой не узнает адреса и ключа доступа. Здесь мы защищены от всех и от всего. Я с самого начала знала, что так должно быть, поэтому создала свой сайт в глубокой сети¹ и назвала этот чат «Дамы Черной Луны».

Мой ник – Черная Луна. Другие участницы становятся моими дамами и сами решают, как им называться. У каждой свои мотивы для того, чтобы называть себя здесь так, как она пожелает. Но когда-нибудь потом мы поговорим о том, что означают наши ники. Сегодня состоится наша первая встреча за пределами других чатов Интернета. Я думаю, это будет волнительно. Но никаких церемоний и протоколов. Полагаю, что все, так же как я, с нетерпением ждут, когда наступит назначенный час – ровно двенадцать ночи.

К сожалению, до двенадцати остается еще несколько минут. Я закуталась в свое теплое пуховое одеяло и сижу на кровати, опершись спиной на подушку, мой ноутбук стоит на маленьком столике из Икеа, который я купила, чтобы иметь возможность писать до рассвета. Сейчас лето, но уже несколько месяцев, как моя кровь стала холодной.

Двенадцать ровно. Вхожу в чат. Я немного нервничаю. Только я могу начать сессию, активировав доступ своим паролем.

Черная Луна: Всем привет.

Пишу на английском. На этом языке мы общались, когда знакомились в других чатах, где были другие люди, от которых нам захотелось сбежать.

В чат сразу же начинают заходить участницы.

Ведьмина Голова: Пламенный привет.

Богомол: Рада, что пришла домой.

Туманность: Честно говоря, еще минуту назад я не знала, что делать. То ли войти в чат, то ли бежать отсюда куда подальше. Но в конце концов решила открыть эту таинственную дверь.

Черная Луна: Вот и хорошо, Туманность. Добро пожаловать к нам, на виртуальную территорию полного уединения.

Туманность: Спасибо, ты очень добра.

Балерина: Я чувствую себя счастливой, как на премьере классического балета.

Несколько секунд тишина.

¹ Deep Web – сегмент Интернета, не индексируемый поисковыми системами. (Примеч. пер.)

Черная Луна: Нас всего пятеро?

Яблоко П: Простите, простите, я опоздала на несколько секунд.

Черная Луна: Спокойно, мы никуда не торопимся. Наш час ежедневной связи только начался.

Балерина: Теперь нас шестеро.

Туманность: Мы и в самом деле похожи на истинных дам.

Богомол: Ты это серьезно?

Ведьмина Голова: Конечно, серьезно. Похоже, Туманность у нас девушка культурная и возвышенная.

Туманность: А если и так, какие проблемы?

Ведьмина Голова: Никаких. Просто я не разделяю твоей серьезности. Для меня участие в этом чате означает свободу. И я всегда буду говорить, что захочу, нравится тебе это или нет.

Яблоко П: Кто-то обещал, что здесь будет не так, как в других чатах. Не вижу разницы. Несем такую же чушь.

Черная Луна: Ладно, это непредвиденная ситуация.

Балерина: И что теперь?

Ведьмина Голова: Я тоже рада, что мы все снова здесь встретились. Но может, поболтаем о чем-нибудь приятном или немного посмеемся, ха-ха-ха. Никто не говорил, что здесь запрещено шутить. Нельзя только говорить о нашем секрете.

Яблоко П: Чтобы не говорить о секрете, не нужно столько технических предосторожностей. Достаточно просто держать рот на замке, и все.

Богомол: Предосторожности необходимы для нашей собственной безопасности.

Черная Луна: Должна признаться, что я немного сбита с толку. Из всех возможных начал, которые я могла себе представить, ни одно не похоже на это.

Ведьмина Голова: Но, мне кажется, мы собрались здесь не для того, чтобы поплакать вместе.

Черная Луна: Это верно.

Балерина: Ну и?

Черная Луна: Начнем все заново.

Туманность: Мне грустно.

Ведьмина Голова: О, простите меня, я не думала, что...

Яблоко П: Но разве мы здесь не для того, чтобы поделиться тем, чего мы никогда никому не рассказывали?

В ответ последовало довольно долгое молчание. Мне кажется, что никто не решается начать, даже я, хотя я создала этот чат. Но в конце концов на экране моего ноутбука появляются новые слова.

Балерина: Прежде чем мы продолжим, мне хотелось бы кое-что прояснить.

Черная Луна: Говори.

Слова Балерины заставили чат замереть в молчаливом любопытстве.

Балерина: Если ты администратор чата и твой ник Черная Луна, предполагается, что мы всего лишь твои дамы – дамы Черной Луны. Я не ошибаюсь?

Черная Луна: Нет, не ошибаешься, все именно так, как ты сказала. Мне казалось, я достаточно ясно это объяснила, когда мы приватно обсуждали эту идею в предыдущем

чате. Но я бы предпочла, чтобы мы отложили обсуждение этого вопроса на будущее, когда будем говорить о значении наших ников.

Балерина: Если я правильно помню, когда ты излагала идею этого проекта, ты говорила, что мы все будем дамами, а Черная Луна будет просто названием, которое нас объединяет, но никто не сможет использовать его в качестве своего персонального ника.

Я знала, что рано или поздно кто-нибудь поставит вопрос о моем верховенстве в чате или о моем превосходстве над дамами. Балерина, похоже, не склонна с этим согласиться. Но несомненно, другие скоро встанут на мою защиту.

Яблоко П: Если ты такая ревнивая, Балерина, то могла бы создать свой собственный чат про классический балет...

Балерина: Да пошла ты...

Ведьмина Голова: Я согласна с Яблоком П. Если начинать с подозрений, то мы далеко не уедем.

Богомол: Я тоже голосую за Черную Луну. Она с самого начала придумала эти правила, и мы их приняли. Кроме того, Черная Луна администратор чата, и всем нам это очень хорошо известно. Мы здесь благодаря ей. Она и должна руководить группой.

Балерина: Ладно. Я согласна с тем, чтобы считаться дамой нашей Черной Луны. По крайней мере, пока.

Туманность: А мне не важно, что я буду дамой Черной Луны. Мне всегда был нужен кто-то, за кем можно идти следом, свет какой-то далекой звезды, затерянной на небосводе, или что-то в этом роде. Теперь вы знаете, почему я взяла себе такой ник.

Черная Луна: Очень подходящий, кстати. Кто-нибудь еще высказается?

Балерина: Я вас предупреждаю, что название чата мне совершенно не нравится. На мой вкус, весь этот оккультизм слишком абсурден.

Страхи Балерины заставляют меня улыбнуться, но никто не знает почему.

Черная Луна: Этот чат не имеет никакого отношения к оккультизму. Черная Луна – это просто самая темная фаза лунного цикла, когда Луну нельзя увидеть ни с какого места на Земле, ни самым ясным днем, ни самой темной ночью. И я здесь как та самая Луна, как, впрочем, и все вы. Здесь никто не может нас увидеть, мы невидимки. Но помимо этого в каждой из нас есть темные стороны, которыми мы можем поделиться только друг с другом. Никто другой этого не поймет.

Ведьмина Голова: А я гот, а свой ник выбрала из-за истории, которую мне рассказывал дедушка, про старую ведьму, которую сожгли на костре в одной средневековой деревне. Ей отрезали голову и похоронили отдельно от туловища. Один раз в году, в ночь Хеллоуина, голова ведьмы является плохим девочкам и дразнит их, показывая обгорелый язык.

Балерина: Шутить?

Ведьмина Голова: Нет, я говорю серьезно.

Богомол: Ну и ну!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Балерина: Очень смешно, Ведьмина Голова. И ты еще нас подкальываешь?

Ведьмина Голова: А ты, я вижу, страшная злюка, Балерина.

Балерина: Не тебе меня судить! Ты меня не знаешь и понятия не имеешь, какая я!

Ведьмина Голова: Шутка.

Яблоко П: По-моему, мы отклонились от темы.

Туманность: А что означает «П» в твоём нике?

Яблоко П: «Порченное». И больше сегодня ночью я ничего не собираюсь объяснять.

Богомол: Поступай как знаешь... Я предпочитаю сожрать сама, чем быть сожранной другими. Это и означает мой ник.

Черная Луна: Осталась только ты, Балерина.

Балерина: А что я?

Черная Луна: Почему ты взяла себе такой ник?

Ответа приходится ждать.

Балерина: Мне всегда нравилось танцевать между жизнью и смертью.

Богомол: Признаюсь, я ожидала, что ты скажешь что-нибудь более романтическое... Ну, скажем, что ты выбрала такой ник, потому что хранишь пачку и пуанты, оставшиеся от школьного балетного кружка. Поздравляю, твой ответ меня удивил.

Балерина: Я не шучу.

Яблоко П: Танцевать между жизнью и смертью... Балерина, мне нравится, правда, нравится твой ник.

Балерина: Целую в губы.

Туманность: Фу, какая неприличность.

Ведьмина Голова: От вашей болтовни у меня уши вянут.

Балерина: Хочешь развлечься, покури косячок.

Ведьмина Голова: Это тебе надо посоветовать Яблоку П.

Яблоко П: Я предпочитаю что-нибудь более сложное и забористое.

Богомол: А Черная Луна? Что-то она отмалчивается.

Черная Луна: Внимательно «слушаю», что высказывают мои дамы. То, что вы здесь пишете, не просто болтовня.

Яблоко П: А что же это, по-твоему?

Черная Луна: Думаю, мы начинаем немного лучше узнавать друг друга. Я уже говорила о том, что мы невидимы, и о наших темных сторонах. Туманность не скрывает, что ей недостает уверенности в себе; Ведьмина Голова продемонстрировала свое готическое чувство юмора; Богомол обладает способностью опережать возможное нападение, свойственной хищным насекомым; Яблоко П оставила объяснение своей испорченности на потом, поскольку пока не желает ни с кем делиться этим; а Балерина призналась в том, что практикует куда более опасные танцы, чем мы себе представляем. Что ж, совсем неплохо для первой встречи в чате.

Балерина: Черная Луна, ты что, психоаналитик?

Черная Луна: Нет, просто интерпретирую то, что каждая из нас сообщила о своем характере.

Туманность: Ненавижу психоаналитиков и психиатров.

Ведьмина Голова: Ты имела с ними дело?

Туманность: Неоднократно. И ни разу они не помогли мне понять, кто я на самом деле.

Яблоко П: Лучший способ быть собой – это не заморачиваться о том, кто ты есть.

Туманность: Легко сказать, когда не чувствуешь себя пришибленной.

Балерина: Мы все тут немного со сдвигом.

Богомол: Я нет, у меня другие проблемы.

Ведьмина Голова: Предлагаю, чтобы каждая сообщила, сколько ей лет, и рассказала что-нибудь о себе. Так мы сможем представить себе друг друга.

Балерина: Ты имеешь в виду внешность?

Ведьмина Голова: Да, пусть каждая назовет свою самую характерную черту. Мы ведь все равно не видим лиц друг друга. У меня, например, лицо довольно круглое, и мне 21 год.

Черная Луна: У меня серые глаза, и мне исполнилось 28.

Туманность: Мне больше всего нравится моя кожа, она очень белая, а меньше всего мне нравится мой возраст. Мне 30.

Яблоко П: Когда-то у меня были идеальные параметры, но теперь это не так. Я довольно худая и, боюсь, самая молодая в группе – мне 19.

Черная Луна: Да ты еще ребенок, Яблоко П.

Яблоко П: Скажи это моим демонам.

Черная Луна: О наших печалях мы поговорим позже, если захотите.

Богомол: У меня очень светлые волосы, даже на лобке. Мне скоро исполнится 23.

Ведьмина Голова: Мне нравится твоя откровенность, Богомол.

Балерина: А мне все это напоминает какую-то детскую игру. Но я не хочу выделяться, поэтому просто скажу, что горжусь своими губами, однако в свои 26 чувствую себя старухой.

Я решила сменить тему разговора и задала вопрос.

Черная Луна: А помните, как мы познакомились виртуально в Интернете?

Ведьмина Голова: Конечно, прошло совсем немного времени.

Балерина: Думаю, мы все искали одного и того же.

Яблоко П: Последние два месяца я только и делала, что ходила с одного чата на другой, как сомнамбула, пока в одном из них не появилась Черная Луна и не рассказала мне о своем проекте.

Богомол: Думаю, со всеми нами происходило то же, что и с тобой.

Черная Луна: И это нас объединило.

Балерина: Если честно, то я должна вам сказать, что первая мысль, мелькнувшая у меня, когда Черная Луна отправила мне сообщение в личку, была о том, что это наверняка какой-нибудь психопат с фальшивым профилем молодой женщины, который подыскивает себе жертвы в тех чатах, куда мы часто заходили.

Яблоко П: Ты серьезно?

Балерина: Жизнь научила меня никому не доверять.

Богомол: И когда ты решила, что Черная Луна не врет?

Балерина: После того, как в одном приватном чате она рассказала мне про наш секрет. Ни один психопат не смог бы придумать такой проект, как этот.

Туманность: Но в тех чатах мы не могли быть по-настоящему откровенными.

Яблоко П: Да, там слишком много людей, которые словно роботы повторяют одни и те же бредовые мысли.

Ведьмина Голова: Мне это казалось скучным и бесполезным. Надеюсь, здесь все будет по-другому.

Черная Луна: Но ты ошибаешься, Ведьмина Голова. Наш секрет это вовсе не веселая игра.

Глава 4

Табличку с написанным на ней именем «Сусанна Олмос» молодой человек держал в высоко поднятых руках, чтобы ее было видно поверх голов пассажиров, направлявшихся к выходу из Центрального вокзала Лейпцига. Скорый поезд, отправившийся в одиннадцать пятнадцать из Берлина, прибыл точно по расписанию.

Сусанна в недоумении смотрела то в одну, то в другую сторону великолепной торговой галереи вокзала, уверенная в том, что ее встречает Лесси Миловач. В последнем имейле ее наставница по программе обмена «Эразмус» писала, что будет ждать Сусанну у главного выхода под часами, но там никого не оказалось. Она позвонила на мобильный – «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Прошло десять минут, Сусанна начала нервничать. Она устала. Хотелось побыстрее добраться до университетского общежития, принять душ и распаковать вещи.

И тут к ней подошел молодой человек, в руках он держал табличку с ее именем.

– Ты Сусанна? – спросил он по-немецки, протянув вперед табличку и тыкая указательным пальцем в написанные черным фломастером буквы.

Сусанна не ответила, она растерялась, вопрос сбил ее с толку. Незнакомый молодой человек, который был, похоже, немного старше ее, не скрывал своего раздражения из-за того, что ему пришлось долго ее искать.

– Ты не Лесси Миловач... – наконец ответила она.

Молодой человек нетерпеливым жестом откинул назад волосы, спадавшие по обе стороны его лица.

– Нет, конечно. Я с одиннадцати часов торчу с этой табличкой у выхода с платформы...

Не давая ему продолжить, Сусанна перебила:

– Но Лесси сказала, что будет ждать меня здесь. Где она? Почему не пришла?

Молодой человек закрыл глаза, как будто о чем-то задумался, и извиняющимся жестом развел руками.

– Извини, кажется, с тобой и правда вышло как-то не здорово. Ты ни в чем не виновата. Просто какое-то недоразумение.

– Какое-то что?.. – не понимая, переспросила Сусанна.

– Вчера Лесси уехала в Сербию из-за каких-то важных семейных обстоятельств. Она помнила, что ты сегодня приезжаешь, поэтому попросила меня съездить за тобой и отвезти тебя в общежитие. Но она не сказала, что договорилась встретиться с тобой именно здесь. Все это... – Молодой человек махнул рукой. – Кстати, меня зовут Бруно Вайс.

Он подошел к чемодану Сусанны и взял его.

– У тебя не слишком много вещей, – заметил он.

– Постой! Я никуда с тобой не поеду!

– Значит, я зря потратил время, приехав сюда. Как выйдешь на улицу, будет стоянка такси, куда стоит длинная очередь студентов, приехавших по программе «Эразмус», – пробурчал Бруно и, выпустив чемодан, снова откинул волосы от лица.

Потом он изобразил рукой прощальный жест и вышел из здания вокзала через ближайшую дверь.

Начиналась осень, и небо над Лейпцигом приобрело свинцовый оттенок. Над городом серой шапкой нависли беспросветные тучи.

Сусанна Олмос вышла из вокзала с надеждой, что, несмотря на сердитый вид, с которым он ушел, Бруно Вайс не бросит ее на произвол судьбы. Если у кого-то и были все основания чувствовать себя не в своей тарелке, так это у нее, подумала она, подтаскивая чемодан к длинной очереди на такси. Некоторые студенты, приехавшие по обмену, поговорив между собой,

объединялись в группы с учетом количества багажа и адреса университетского общежития, где им предстояло жить в ближайший учебный год.

Одна смуглая девушка с очень светлыми глазами, одетая в футболку с логотипом университета, узкие джинсы и невероятно яркие спортивные тапочки, подошла к Сусанне и спросила по-английски, куда она едет. Сусанна назвала ей свое общежитие и адрес.

– Иди за мной, тут есть еще один парень, которому надо туда же.

Сусанна двинулась за девушкой, лавируя между людьми, чемоданами, сумками и рюкзаками всех видов и размеров.

Ее компаньоном в этой поездке оказался чешский парень по имени Илиан Волки – блондин с печальным взглядом и смущенной улыбкой, за которой он пытался скрыть небольшое заикание.

Весь долгий путь до общежития Сусанна без устали разглядывала улицы и площади, по которым медленно тащилось такси, постоянно останавливаясь на нескончаемых светофорах. Она сидела впереди, рядом с водителем, а Илиан Волки, заваленный своим багажом, занимал заднее сиденье машины. Илиан изучал точные науки и, по собственному признанию, сделанному Сусанне, запомнил наизусть названия всех улиц, по которым должно было ехать такси с Центрального вокзала до общежития, пока с помощью Гугла выбирал самый короткий маршрут по спутниковым снимкам.

– А я довольно рассеянная и забывчивая, – пролепетала в ответ Сусанна, потому что не знала, что сказать.

– У меня прекрасная зрительная память. Вот я тебя увидел и больше никогда не забуду. В смысле я х-хочу... хочу сказать, что ты красивая, – торопливо добавил он.

Сусанна оглянулась назад и улыбнулась ему.

На Арно-Ницше-штрассе их обогнал синий трамвай с широкой желтой полосой, и почти сразу после этого такси остановилось у студенческого общежития с тем же названием. Улица была широкой, обрамленной по краям кустами и деревьями. Этот тихий жилой район располагался в южной части Лейпцига, в тридцати минутах езды на общественном транспорте до университета.

Илиан и Сусанна расплатились за такси, вышли из машины и вытащили свой багаж.

– Пойдем внутрь? – спросил Илиан.

Сусанна едва заметно робко улыбнулась.

– Давай ты первый. Мне надо пару минут постоять одной, прежде чем входить.

– Ну, как хочешь, – с недоумением отозвался Илиан.

Несмотря на свое нежелание идти вместе с ним, Сусанна вовсе не хотела показаться Илиану вредной и, едва успев познакомиться с ним, установить дистанцию, от которой потом не смогла бы избавиться. Судя по виду, он был хорошим парнем, веселым и непосредственным, хотя и немного простоватым, и к тому же явно желавшим найти кого-нибудь, с кем он мог бы чувствовать себя самим собой в этом городе. Что прямо противоречило тому, чего хотела Сусанна, – перестать быть собой и стать совсем другой.

Она посмотрела на стеклянное здание, видневшееся за небольшим островком зелени, примыкавшим к улице, и внезапно ее сердце сжалось от острого приступа одиночества.

Глава 5

Слушать музыку через наушники во время работы для Клауса Баумана было вполне обычным делом. Эту его привычку более зрелые сотрудники отдела по расследованию убийств считали эксцентричной странностью, капризом самодовольного полицейского и способом привлечь внимание к интеллектуальному превосходству своих дедуктивных способностей в расследовании «странных преступлений», сослужившему Клаусу такую хорошую службу при получении желанного поста старшего инспектора. Возможно, именно по этой причине инспектор Бауман не мог похвастаться большим количеством друзей среди своих коллег из Лейпцига.

Помощница комиссара, сорокалетняя женщина-агент с приятными манерами по имени Фрида, казавшаяся немного старше из-за своей прически и безукоризненно аккуратной формы, попросила его пройти в соседнюю с кабинетом комнату для совещаний и подождать там.

– Он разговаривает с Берлином. Сам понимаешь, – добавила она.

– Да, могу себе представить.

– Проблема в том, что говорить в таком случае, как этот.

Клаус Бауман задержался возле стола помощницы.

– Журналисты уже печатают заголовки. Я бы ограничился тем, что около монумента Битвы народов при странных обстоятельствах обнаружены тела пяти девушек. Что в настоящее время мы пытаемся установить их личности, а всю остальную информацию, которой мы располагаем, лучше оставить до будущих времен, когда начатое нами расследование продвинется настолько, что мы сможем об этом говорить. Краткий пресс-релиз, сжатый и ясный, без каких-либо подробностей. Главное, чтобы не просочилось никаких сведений о сцене преступления. Ни одного слова, никакой публичности, поскольку именно этого от нас ждут те, кто стоит за этими смертями.

– Постарайся убедить его. Из федерального министерства давят, чтобы мы не скрывали информацию от прессы.

Клаус Бауман посмотрел на агента и потер подбородок.

– Официальные интриги это твоя компетенция, а не моя, – ответил он, подмигнув ей.

Открыв дверь в комнату для совещаний, он вошел туда и закрыл ее. Положил свой ноутбук на стол, достал из кармана куртки мобильник с наушниками и снова включил музыку. Потом подошел к большому окну в белой деревянной раме и уставился в сад, разбитый возле здания. Но перед глазами стояли не деревья или цветы, а нежные лики пяти мертвых девушек, которые, представляясь ему живыми, парили в нематериальном пространстве его сознания. Его задача состояла в том, чтобы узнать историю каждой из них, шаг за шагом заново поместить их в пространство и времени, раз за разом вспоминая их тела, одеть в обычную одежду, заставить привычным образом двигаться в их домах, пройти вместе с ними по улицам, услышать, как они говорят со своими родными и друзьями, проникнуть в их самые потаенные мысли, в их страхи, увидеть своими глазами то, что видели они в последний миг перед тем, как их глаза закрылись навсегда. Ему предстояло под звуки одной и той же мелодии, в сотый раз звучавшей у него в ушах, создать правдоподобную гипотезу произошедшего, начиная с того, что он видел на месте преступления: монумент Битвы народов, саркофаги и эротичное нижнее белье, нарисованные в трех измерениях.

Дверь в комнату открылась, но Клаус Бауман успел услышать только, как она с шумом закрылась снова. Повернувшись, он увидел хмурое лицо комиссара Айзембага с широкими скулами и выступающим подбородком.

Клаус Бауман вытащил наушники, не выключая музыки.

– Когда ты перестанешь носить в ушах эти электронные серьги? Меня бесит, когда я их вижу, – бросил комиссар, усаживаясь за стол совещаний, стоявший перед большим полукруглым окном.

– Это помогает мне думать, ты же знаешь.

– И как? Помогла тебе божественная музыка родить интересную версию по этому делу? – спросил комиссар, проведя рукой по своим седеющим волосам, как будто проверял, достаточно ли хороша его стрижка для уважаемого полицейского.

– Не думаю, что убитые девушки – дело рук психопата-фетишиста, который к тому же увлекается уличной живописью и боди-артом в трех измерениях. Один человек просто не в состоянии создать сцену, которую мы видели у памятника... – заметил Клаус, подходя к столу.

– Не надо говорить со мной, как с идиотом, – перебил его комиссар. – Твои выводы слишком очевидны. Я послал тебя туда на вертолете не для того, чтобы ты увидел то, что мог бы увидеть любой полицейский даже с закрытыми глазами.

Клаус Бауман сел рядом с шефом, открыл свой ноутбук и включил его.

– Знаешь, эти гигантские стражи смерти с воздуха выглядят просто потрясающе, я бы сказал, величественно. В детстве мне всегда было страшно смотреть на них снизу, я чувствовал себя слишком ничтожным перед ними. Когда я впервые вошел в монумент и увидел этих каменных колоссов в круглом зале крипты, я подумал, что они вот-вот начнут двигаться. Я пришел в ужас от мысли, что они могут поймать меня и сожрать, – признался Клаус, запуская Windows.

– И какое впечатление башня произвела на тебя сегодня утром?

– Когда я увидел перед башней этих девушек в саркофагах, я почувствовал тот же страх. Не было ни крови, ни следов насилия, но казалось, что над всем висит тень смерти, что она окружает меня со всех сторон и смеется надо мной... или над ними. И в то же время меня завороживала необычная красота сцены преступления и этих мертвых девушек.

– Башня Битвы народов – это памятник смерти. Ты знаешь это не хуже меня.

– Да, вокруг этих загадочных гигантов и ста тысяч солдат, погибших на этом месте два века назад, слишком много легенд. Их знает каждый житель Лейпцига.

– Чего не знаю я, так это того, к чему ты ведешь, – заметил Клеменс Айзембаг.

В общих чертах Клаус помнил историю монумента, хотя его никогда не интересовали художественные и архитектурные особенности памятника, о которых писали в путеводителях для туристов. Он почти никогда не бывал здесь, разве что в детстве или в тех случаях, когда в город приезжали их с Ингрид друзья по школе полиции. Для него это было всего лишь огромное сооружение из серого гранита, поднимавшееся на 91 метр над лесами на юге Лейпцига, недалеко от кладбища Зюдфридхоф, воздвигнутое в честь победы в битве объединенных сил Европы над войском Наполеона в 1813 году. Он даже не сходил ни на одно из мероприятий по случаю столетия башни, отмечавшееся в 2013-м.

Но он хорошо помнил, что, приезжая в Саксонию перед Второй мировой войной, Гитлер всегда выбирал большую площадку перед башней, чтобы произносить свои прославляющие нацизм речи. И что в крипте прятались последние немецкие солдаты из СС, бежавшие от американских войск, освобождавших город.

Размышляя об этом, Клаус Бауман искал в своем ноутбуке одну из фотографий, которую сделал с вертолета. Развернув ее во весь экран, он сказал:

– Посмотри внимательно на эту картину, Клеменс. Пять девушек в своих нарисованных саркофагах выглядят как часть монумента, как будто они были высечены из камня прямо перед фасадом и сегодня утром каким-то необъяснимым образом превратились в людей. Безусловно, логичнее всего предположить, что девушки помещены к подножию монумента по какой-то особой причине, хотя я пока не понимаю по какой. Возможно, это обряд типа языческого жертвоприношения или что-то в этом роде.

– Эзотерический ритуал? Нет... не надо мне этой ерунды. Слишком надуманно, – пробурчал комиссар. – Я уверен, что вся эта театральность рассчитана на то, чтобы создать ложное впечатление. Запутать нас, сбить с толку – вот единственная цель создателей этой сцены. Оставь свои фантазии и ищи прямо противоположное тому, что видишь. Торговля женщинами, секс, порнография, проституция – вот единственно возможные причины, скрытые за таким преступлением, как это.

Легкая улыбка тронула губы Клауса Баумана. Помимо должностной субординации с комиссаром его связывали почти родственные отношения взаимной симпатии. С самой молодости и до тех лет, которые предшествовали объединению двух Германий, Клеменс Айзембаг дружил с его отцом. Эрих Бауман родился в Лейпциге, Клеменс Айзембаг – в Гёрлице. Они были одногодки, и сейчас обоим стукнуло бы шестьдесят два, если бы Эрих Бауман не умер в тюрьме Тюрингии после того, как суд Восточной Германии приговорил его к пожизненному заключению за измену коммунистическому режиму. В то время оба служили в Штази, но на самом деле работали под прикрытием на правительство ФРГ. После падения Берлинской стены Эриха Баумана наградили посмертно, а Клеменса Айзембага перевели на работу в полицию Мюнхена, а затем назначили комиссаром в Лейпциг.

– Есть еще кое-что, – с некоторой торжественностью в голосе пояснил Клаус. – Я убежден, что три измерения изображений саркофагов и белья, нарисованного на телах девушек, задают три направления, в которых мы должны начать расследование: живопись, эротика и погребальные обряды.

– Пожалуй, ты прав. Об этом я не подумал, – признался комиссар.

– Я уже распорядился, чтобы мой отдел начал работу по этим трем направлениям: Мирту Хогг я отправил искать художников, которые могли бы нам что-то сказать насчет саркофагов и нарисованного белья; Карл Лайн подберет агентов для работы среди девушек-эскорт, проституток и наркодилеров...

– Ты смотрел записи с камер наблюдения? – не давая Клаусу закончить, спросил комиссар.

– Снаружи монумента нет никаких камер. Никому не интересно следить за огромной каменной башней.

– А внутри?

– Внутренние камеры годятся только на то, чтобы служить муляжами. Они старые, допотопные и давно уже не работают. Их не меняют только из соображений экономии. Ганс Бастех со своей группой просмотрит все записи, сделанные прошлой ночью видеокамерами магазинов и бензозаправок, которые расположены на подъезде к монументу.

Клеменс Айзембаг, похоже, думал о чем-то другом.

– Когда министр получил снимки, то принял их за один из тех фотомонтажей, которые циркулируют в соцсетях, хотя я лично доложил в федеральное министерство, что мы имеем дело с тревожным случаем, не похожим ни на какой другой. Все же министр сомневался и сам позвонил мне, я подтвердил достоверность материалов. Он просил, чтобы мы предоставили прессе всю имеющуюся у нас информацию, без ограничений.

– Они наложили в штаны, верно?

– Обосрались по полной, – подтвердил комиссар. – В министерстве никто не желает повторения скандала с убийствами на Босфоре.

Опершись руками на клавиатуру, инспектор продолжал изучать фотографию на экране ноутбука. Он помнил потрясение, которое пережил из-за тех событий. Тогда его перевели из отдела полиции, занимавшегося отслеживанием финансовых операций, связанных с наркобизнесом, в отдел по расследованию убийств.

В 2011 и 2012 годах все федеральные средства массовой информации посвящали десятки страниц и многие часы лучшего эфирного времени на радио и телевидении громкому скан-

далу. Он разразился из-за ошибок, допущенных агентами секретных служб при расследовании убийства восьми турок и одного грека в 2000 и 2006 годах, а также смерти в 2007 году женщины-агента, погибшей в перестрелке после ограбления банка. Официальная версия приписывала эти преступления вооруженным разборкам между наркоторговцами до тех пор, пока в ноябре 2011 года двое подозреваемых в этих убийствах не были найдены мертвыми в домике на колесах вблизи Эйзенаха в Тюрингии. Согласно сообщениям федерального министерства внутренних дел, оба покончили с собой. Однако после задержания их сообщницы – молодой женщины, доставленной в полицию после обыска дома в Цвиккау, где проживали все трое, обнаружили свидетельства уничтожения документов, подтверждавших финансирование официальными властями деятельности неонацистских группировок, и в том числе террористической организации «Национал-социалистическое подполье» (НСП). Следствием этих событий стала отставка начальника Федеральной разведывательной службы в июле 2012 года.

– Они сами виноваты. Мы не собираемся уничтожать улики и документы, касающиеся какого-либо преступления. Не наш стиль, – сказал Клаус, закрывая крышку ноутбука.

Комиссар снова провел рукой по своим коротко подстриженным волосам.

– Но на пресс-конференции мне придется сказать про белье и трехмерные изображения. Я знаю, что тебе это не нравится, и Фрида говорит то же самое, но мне придется.

– Даже несмотря на то, что эта информация сделает нас объектом первостепенного внимания всей желтой прессы Германии?

– У меня нет другого способа избежать вмешательства федерального министерства в это дело. Будет лучше, если они как можно раньше убедятся в том, что мы в состоянии справиться с этим делом без помощи их «тайных агентов». Если они возьмут расследование в свои руки, наше мнение никто не станет слушать.

Клаус Бауман выгнул бровь дугой.

– Подожди хотя бы, пока мы получим от судебных медиков первые сведения о вскрытии. Тогда мы поймем, что можно сообщить прессе, а что лучше оставить при себе.

– А что ты скажешь про того типа, который обнаружил трупы?

Клаус понимал подтекст вопроса, заданного шефом. Свидетель видел на месте преступления все то же, что и он. Вполне возможно, он сделал фотографии или записал на мобильник видео с телами девушек. Прежде чем позвонить на 112, он даже мог отправить изображения кому-то из своих контактов в соцсетях, чтобы потом попытаться продать эксклюзив телеканалу, который даст наилучшую цену.

– Он добровольно отдал мне свой телефон, и сейчас его изучают в отделе высокотехнологичных преступлений, – пояснил он. – Если он отправлял какие-то сообщения, завтра мы будем о них знать.

– Министру не понравится, если трупы этих девушек появятся в теленовостях по всему миру.

Клаус Бауман кивнул.

– С согласия свидетеля технари проверили его квартиру. Нашли только коллекцию древних комиксов, среди которых были четыре штуки семидесятых годов прошлого века с порнографическими рисунками нацистского и садомазохистского толка. Как ни странно, они были изданы не в Германии, а в Израиле.

– Он извращенец?

– Не похоже.

– Ты с ним говорил?

– Еще нет, но он внизу. Ждет, когда его допросят. Мрачноватый тип, но опасным не выглядит.

– Если так, то я предпочитаю, чтобы общественное мнение было правильно проинформировано, как хочет министр. И сделать это надо до того, как социальные сети заполнятся бесконтрольными слухами и спекуляциями.

– Прошу тебя только об одном: не позволяй им изгаляться над смертью этих несчастных девочек, – сказал Клаус.

Комиссар встал из-за стола и подошел к двери. Потом вернулся, посмотрел на Клауса и ткнул указательным пальцем в его правую руку.

– Если этот тип начнет темнить, отправь его в камеру. Будет, по крайней мере, один подозреваемый, которого можно предъявить прессе.

Глава 6

Глубокая сеть – это настоящая преисподняя. Мало кто о ней знает, не говоря уже о том, чтобы бывать там, в этих глубинах Интернета, таких же темных и мрачных, как самые неизведанные глубины океана. Раньше мне никогда не приходилось заходить туда, и ни один нормальный человек никогда не должен этого делать. Меня предупреждали, но я не послушала. И теперь уже слишком поздно раскаиваться. Монстры живут и за пределами страшных сказок. Они живут внутри нас самих, но нигде их извращенная порочность не чувствует себя такой живой и реальной, как в глубокой сети. Здесь они могут питаться человеческой падаleyю, достигшей окончательного разложения под действием самых отвратительных разновидностей паранойи.

Мне было двадцать шесть лет, когда я встретила мужчину, открывшего передо мной дверь в преисподнюю и побудившего войти в нее. Не стану рассказывать, что он мне показал, не стоит вдаваться в детали тех ужасов, которые я увидела. Не стану также говорить о том, что он заставлял меня делать, это слишком тяжело, слишком жестоко. Мне только что исполнилось двадцать восемь, и я знаю, что очень скоро умру.

Сейчас ровно двенадцать ночи, и мои дамы ждут меня в чате.

Черная Луна: Я здесь.

Туманность: Я весь день ждала, когда настанет этот миг.

Черная Луна: Я всегда буду здесь в это время.

Ведьмина Голова: Мне нравится такая верность... Давайте дадим торжественную клятву.

Балерина: Не начинай свои детские штучки.

Ведьмина Голова: Ладно, ладно, буду вести себя как взрослая.

Богомол: Чуть не уснула за компьютером, пока ждала. День был жутко суматошный.

Черная Луна: Это всего один час, не так уж много времени. А где Яблоко П?

Тишина.

Ведьмина Голова: Упало с яблони.

Балерина: Ты добьешься, что я тебя возненавижу.

Черная Луна: Здесь никто никого не держит, каждая может уйти, когда пожелает.

Богомол: Спасибо, что напомнила. Буду иметь в виду.

Туманность: Мне по-прежнему грустно. Хочу, чтобы вы поговорили обо мне.

Снова тишина.

Ведьмина Голова: Туманность, мы с тобой.

Черная Луна: Конечно. Ты не одна. Здесь не одна.

Богомол: Ты плачешь?

Туманность: Да.

Балерина: Тебе надо взбодриться, твои страдания ни к чему не приведут!

Туманность: Знаю, знаю. Но все равно, чуть что, я в слезы.

Ведьмина Голова: Представь, что мы тебя обнимаем.

Черная Луна: Ты хочешь, чтобы мы поговорили о тебе. Давай поговорим. Возможно, тебе станет легче, когда выговоришься.

Несколько секунд никто ничего не говорит.

Туманность: Я больше не хочу принимать таблетки, они мне противны. Я выбросила их в унитаз и спустила воду. У меня немного болит голова. Это оттого, что я постоянно думаю об одном и том же. Мое сознание как огромный крутящийся разбрызгиватель для газона, только без света. Крутится, крутится в темноте, пока я не теряю чувства реальности, и у меня как будто возникают галлюцинации. Парень, с которым я встречалась, мне не помог. Он сказал, что я очень красивая, но слишком малоэмоциональная. И холодная. Что в постели я как кусок льда.

Ведьмина Голова: Вот козел!

Балерина: А ты правда холодная?

Снова молчание.

Туманность: Когда у меня депрессия, да, не стану отрицать. Хотя мне нравится самой себя ласкать. Это расслабляет и помогает заснуть.

Ведьмина Голова: Это действительно полезно.

Туманность: Но когда я это делаю, я чувствую себя виноватой, как подросток.

Черная Луна: Я где-то читала, что вся жизнь состоит из наслаждения и боли. Но у тебя есть право выбрать наслаждение без того, чтобы оно причиняло боль.

Туманность: Но я чувствую, что должна наказать себя, чтобы очистить свою совесть. Сегодня я мастурбировала на работе в туалете. А потом плакала. Мне казалось, что я грязная, я была сама себе противна.

Ведьмина Голова: Но это делают большинство девушек.

Туманность: Я часто думала, что мальчики начинают заниматься этим с самого детства, а когда взрослеют, очень гордятся своими мужскими способностями. Моя проблема в том, что я никогда не позволяла себе этого, не признавалась в своих желаниях. Почему?

Черная Луна: Ты слишком строга к себе. Не стоит быть такой требовательной. Посмотри на себя в зеркало и улыбнись. Вокруг тебя нет никаких фантомов, они существуют только в твоём сознании. В этом вся проблема, и ты должна с ней справиться.

Туманность: Я каждый день собираюсь это сделать, но безрезультатно.

Богомол: Может, с этого момента все пойдет по-другому. Я стала собой с тех пор, как решила – мне нет никакого дела до того, что думают все остальные.

Ведьмина Голова: Ну и кто же ты, Богомол?

Богомол: Лесбиянка, не считая всего остального.

Туманность: У тебя есть пара? Спрашиваю просто из любопытства.

Богомол: Предпочитаю ни от кого не зависеть, в том числе от любви. Мне нравится секс, и я получаю удовольствие на свой лад. Я выбираю, я решаю, я доминирую, я пожираю.

Балерина: Туманность, можно тебя кое о чем спросить?

Туманность: Пожалуйста, о чем хочешь.

Балерина: Что с тобой случилось?

Туманность: У меня была очень строгая мать. Мы живем в маленькой деревушке. Одна моя школьная подружка, на несколько лет старше, научила меня доставлять себе удовольствие, и той же ночью я легла и начала ласкать себя под одеялом. Было жарко, поэтому я откинула одеяло в сторону. Моя мать вошла и все увидела. Большие года она каждую ночь провожала меня в спальню, сама меня раздевала, укладывала в кровать и привязывала мои руки к матрасу розовыми шелковыми лентами. И все это время она меня оскорбляла. Это прекратилось в ту ночь, когда она умерла, и тогда я почувствовала себя счастливой. Мне

было 12 лет, всего 12 лет, всего 12 лет, и смерть моей матери сделала меня счастливой. Это же безумие, безумие.

Черная Луна: *Твоя мать тебя сломала. Ты вовсе не порочна, Туманность. Ни одна из нас не порочна. Это другие – монстры. Живые и мертвые, боги и дьяволы, превратившие нас в куски гнилого мяса, с которыми мы ничего не можем сделать.*

Ведьмина Голова: *Туманность, я тебя понимаю. Это, действительно, хреново – чувствовать себя счастливой оттого, что твоя мать умерла. Совсем хреново. Я тоже потеряла мать два года назад, но у меня все было совсем по-другому. Никто и никогда столько не плакал... и все зря.*

Туманность: *Зря?*

Ведьмина Голова: *Это непростая история. Я не шучу, я сдерживаю слезы.*

Балерина: *Может, еще кто-нибудь потерял мать или отца? Лучшие мы все вместе поплачем о них сейчас, чем потом.*

Богомол: *Моя мать жива, но она больна.*

Черная Луна: *Мои родители тоже умерли, когда мне было 11 лет. В один и тот же день и один и тот же час.*

Балерина: *Автокатастрофа?*

Черная Луна: *Натовская бомба, сброшенная на Белград в 1999-м, во время войны в Югославии. По крайней мере, так сказали в детском доме, куда меня отвезли. Я жила там, пока мне не исполнилось 18 лет.*

Час, отведенный на общение в чате, быстро пролетел, и я его закрываю. Через несколько секунд связь с сетью прервется автоматически.

Глава 7

Комната показалась Сусанне слишком просторной. И слишком белой. Из мебели в ней стояла только кровать с деревянным, тоже очень светлым изголовьем из черешни, как и дощатый пол, большой модульный шкаф с двустворчатой дверцей, стеллаж с полками, устроенный над комодом, пустая библиотека и рабочий стол, – все одного цвета. К столу прилагался стул, обитый красной тканью в тон шторам на окне. В небольшом углублении возле входа рядом с дверью в ванную размещалась крохотная кухонька. Ничего общего с уютной спальней у нее дома. Похоже, единственное, что она могла сделать, чтобы придать этому унылому пространству немного тепла и комфорта, – это повесить на стены несколько постеров и положить на кровать яркое покрывало и подушки.

Посылая запрос на предоставление комнаты в общежитии, Сусанна не захотела даже посмотреть эту комнату в Интернете. Так же как отказалась смотреть расположение общежития на картах Гугла или поискать фотографии самого здания и города, которые могли бы заранее дать ей представление о том, что она увидит в Лейпциге. Ей хотелось начать все с нуля, не имея ни о чем никакого предварительного представления. И еще, чтобы не иметь никаких связей с прошлым, она закрыла все свои аккаунты в социальных сетях и удалила список контактов.

В аэропорту Сусанна заявила родителям, чтобы они не трудились ей звонить, потому что она все равно не станет брать трубку. Она сама сообщит им, как у нее дела. Сусанна скопила достаточную сумму денег, чтобы продержаться пару месяцев без посторонней помощи, и отказалась, чтобы родители оплачивали ее проживание в Лейпциге. Вскоре должна была прийти стипендия, к тому же она намеревалась найти работу на несколько часов в день. Сусанна решила жить самостоятельно и, что бы ни случилось, не собиралась менять этого решения. Теперь она чувствовала себя свободной.

Поставив чемодан и сумку у входа, Сусанна открыла шкаф, повесила туда пуховик, поставила на стол кейс с ноутбуком и раздвинула шторы. Из окна, выходявшего на север, в комнату проникало достаточно много света и открывался красивый вид: низкие современные дома и большие зеленые лужайки, которые пересекали пешеходные и автомобильные дороги, уходящие вдаль. Внизу она увидела парк, примыкавший к задней стороне общежития, с большими бревнами вместо скамеек, которые окружали круглое кострище, где в этот час ничего не горело. Но уже на сегодняшний вечер по случаю приезда новых студентов было назначено барбекю.

Сусанна достала из кейса мобильник и набрала сообщение:

Доехала хорошо. Уже заселилась. Не беспокойтесь обо мне.

Ей не хотелось делать приписку «целую». Чисто формальное сообщение, без эмоций. Как слова автоответчика на телефоне какой-нибудь компании. И больше ничего.

Она уже собиралась раздеться, чтобы пойти в душ, но в дверь пару раз стукнули кулаком, и это заставило ее остановиться. Наверно, какой-нибудь сосед по коридору или Илиан Волки. Впрочем, в данный момент ее не вдохновлял ни тот ни другой вариант.

В конце концов Сусанна все же решила открыть. Перед дверью стоял чешский парень. Он покраснел от смущения, как человек, который боится, что явился не вовремя или ему будут не рады.

– Извини, я... я не хотел тебе помешать, – не в силах скрыть волнение, сказал он.

– Проходи, ты мне не мешаешь.

– Нет, это не обязательно. Я просто хотел спросить, все ли у тебя в порядке. На ресепшн мне сообщили этаж и номер комнаты, вот я и решил заглянуть на минутку, чтобы узнать, как ты.

Сусанна вдруг осознала, что Илиан Волки пробуждает в ней нечто похожее на материнскую нежность, как если бы он был ее беззащитным младшим братом.

– Да, как видишь, у меня все нормально. Окно открывается, так что я могу проветрить комнату, горячая вода есть. Что еще... надеюсь, что холодильник и плита не сломаны, – ответила она, изображая хорошее настроение.

– А ты проверяла, вай-фай работает? Мне пришлось кое-что перенастроить на ноутбуке, чтобы заработала проводная связь.

Илиану удалось произнести все это без заикания, и на его лице появилась довольная улыбка. Он не решался войти в комнату, словно опасаясь посягать на личное пространство Сусанны, поэтому продолжал торчать на пороге.

– Я еще не распаковала вещи, так что на данный момент доступ в Интернет меня волнует меньше всего. Мне хочется принять душ и немного отдохнуть. Ночью я почти не спала и очень устала, – объяснила Сусанна.

– Да, понимаю, это естественно. Ну ладно, тогда я пошел в спортзал. Хочу осмотреться там, прежде чем составлять программу силовых тренировок. Не люблю импровизаций.

– Вот и хорошо, потом мне расскажешь. Может, я тоже зайду немного потренироваться.

– Ты пойдешь сегодня вечером на барбекю в парке?

– Сомневаюсь, что я большой любитель жареного мяса. Но возможно, я выйду купить салат и немного пасты, а потом зайду выпить рюмку за знакомство. Но точно не знаю, я еще не решила.

– Ну, как хочешь. Если тебе что-нибудь понадобится, я на втором этаже в комнате номер пятьдесят пять.

– Да, хорошо. Конечно...

Илиан повернулся, чтобы уйти, но Сусанна его окликнула:

– Спасибо, что ты так добр ко мне, Илиан. И пожалуйста, не думай, что ты мне мешаешь или что-то в этом роде. Дело не в этом. Просто, как ты сам сказал, тебе нравится все планировать заранее, а мне нравится импровизировать в каждый момент времени. Понимаешь?

– Ты не обязан-н... н-не обязана ничего мне объяснять. Я математик и привык иметь дело с формулами, куда более сложными для понимания, – сказал он, не переставая улыбаться. – Я понял, мы будем добрыми друзьями... – добавил он, уже шагая по коридору.

Приняв душ, Сусанна надела широкую футболку, застелила постель бельем и накрыла ее обнаруженным в шкафу красным покрывалом, достала из кейса электронную книгу и легла, несмотря на то что было всего два часа дня. Несколько минут она пыталась читать, но никак не могла отделаться от мыслей о том, что произошло на вокзале. Странно, почему ее куратор просто не отправила ей сообщение о том, что не сможет приехать за ней на вокзал и пришлет вместо себя другого человека. Хотя до этого они обменялись всего несколькими электронными письмами, чтобы согласовать ее приезд в Лейпциг, Сусанне казалось, что Лесси относится к ней очень по-доброму. Она уверяла, что в течение этого учебного года у Сусанны не возникнет никаких проблем, все будет хорошо и ей не о чем беспокоиться. Должно быть, у Лесси в семье случилось что-то очень серьезное, если она так внезапно уехала в Сербию и не отвечала на звонки. Сусанна в очередной раз звонила ей перед тем, как пойти в душ, но телефон был выключен или вне зоны действия сети.

Вспоминая парня, приехавшего за ней на вокзал, Сусанна не могла понять, почему он так на нее злился. Если бы он объяснил ситуацию более спокойно, не возникло бы никаких проблем. Она бы даже поблагодарила его за то, что он потрудился приехать и предложил отвезти ее в общежитие. Однако она слишком хорошо помнила, что должна соблюдать меры предосторожности, чтобы не попасть в лапы мошенников и не лишиться своего багажа, что нередко случалось со студентами, приезжавшими в другую страну по программе «Эразмус». Сусанна

подумала, что все начинается не самым лучшим образом, но уже через несколько секунд усталость взяла свое и она уснула.

Глава 8

Если не считать места возле окна, выходившего в парк, маленький кабинет инспектора Баумана был весь заставлен стеллажами, набитыми многочисленными толстыми папками с материалами полицейских расследований. На стене позади его письменного стола в обрамлении флагов Германии и Саксонии висели дипломы в рамках, памятные грамоты и приказы о награждении за полицейскую доблесть.

Клаус Бауман попросил мужчину, обнаружившего трупы, сесть на мягкий металлический стул, стоявший перед письменным столом. Он решил, что будет лучше взять у него показания в своем кабинете, чем делать это в холодной комнате для допросов. В конце концов, вопреки пугающему виду свидетеля, Клаус не видел никаких оснований предполагать, что этот огромный детина каким-то образом причастен к преступлению. После того, как он поднял тревогу, позвонив на 112, отдал им свой мобильник, согласился, чтобы криминалисты осмотрели его машину, рискуя, что они ее попортят, проводил их к себе и добровольно позволил осмотреть дом, а потом совершенно спокойно просидел несколько часов в комиссариате под присмотром двух агентов, было бы непростительной грубостью обращаться с ним, как с подозреваемым.

Единственная вещь, вызывавшая недоумение Клауса, – это то, что этот тип, в черной шерстяной шапке, с длинной бородой и густыми рыжеватыми усами, демонстрировал некоторую вялость, не вязавшуюся с его вызывающе равнодушным взглядом, впечатление от которого усиливал большой поднятый воротник пальто.

Рука Клауса потянулась к стоявшему посередине стола магнитофону.

– Пожалуйста, назовите мне свое имя.

– Густав Ластоон.

– Сколько вам лет?

– Сорок.

– Вы можете предъявить мне удостоверение личности?

Мужчина достал из внутреннего кармана пальто бумажник, нашел карточку и протянул ее инспектору. Клаус взял ее и переписал идентификационные данные.

– Вы женаты?

– Разведен.

– Дети?

– Нет.

– Как зовут вашу бывшую жену?

– Констанца Раух. Хотите с ней поговорить?

– На данный момент вы можете об этом не беспокоиться. Где работает Констанца?

– Она ассистент в университетской больнице.

– У вас есть другая сожительница?

– Я живу один.

– Вы когда-нибудь сидели в тюрьме?

– Нет, никогда.

– Чем вы занимаетесь, господин Ластоон?

– Уже много лет я работаю гидом на основании лицензии, выданной муниципалитетом. –

Он достал еще одну пластиковую карточку и положил ее на стол.

Клаусу Бауману хватило одного взгляда, чтобы удостовериться в том, что он является управляющим и единственным служащим турфирмы, занесенной в регистр экономической деятельности Саксонии под коммерческим названием «Кладбищенский туризм».

– Странное совпадение, вы не находите?

– Миром правят силы, находящиеся за пределами нашего понимания.

– Ученые считают иначе...

– А кто сказал, что они правы?

Инспектор изобразил гримасу покорного согласия и перешел к следующему вопросу:

– Вас привлекает смерть, господин Ластоон?

– Не больше, чем вас, полагаю. Вы тоже живете рядом с ней.

Клаус Бауман наклонился вперед. На данный момент он не испытывал желания вступать в сложные экзистенциальные споры.

– Я не устраиваю туристический бизнес на смерти, господин Ластоон... Я не ищу ее, она сама меня находит, и я выясняю причины, которые ее вызывают. Это моя профессия.

– Смерть служит одним из источников вдохновения для художественного творчества.

– Как нарисованные саркофаги и белье на телах девушек?

– Я говорю об искусстве другого рода. На многих кладбищах есть пантеоны, мавзолеи и скульптуры, которыми можно восхищаться не меньше, чем при посещении музеев. Я занимаюсь тем, что показываю их.

Клаус кивнул и занес ответ в свой ноутбук.

– Тем не менее на этот раз вы обнаружили гробницы с пятью мертвыми девушками. Как вы объясните такое совпадение?

В глазах гида мелькнула тревога.

– Вы уже задавали мне этот вопрос... Я не имею никакого отношения к этим смертям, если вас интересует именно это.

– Тогда объясните мне кое-что, чего я не совсем понимаю... Почему вы остались там и позвонили на 112, а не ушли, ничего никому не сказав?

– Потому, что, если бы потом выяснилось, что я был там, ни один полицейский не поверил бы в мою невиновность.

– Значит, вы сомневались, уйти или позвонить нам?

– Каждый, кто занимается кладбищенским туризмом, стал бы сомневаться. Там были эти саркофаги с мертвыми девушками, понятное дело, что звонок в полицию тоже мог обернуться для меня проблемами.

– Хотите сказать, вы оказались не в том месте не в то время?

– Игра случая вещь загадочная. Человек не выбирает свою судьбу.

Инспектор изобразил на лице философскую мину.

– Выходит, случай предоставил вашему бизнесу бесплатную рекламу.

– Я не заинтересован в том, чтобы попасть в газеты. Мое дело водить туристов на кладбища, и все. Такой туризм теперь в моде. Хотя днем я работаю на одного из туроператоров и вожу обзорные экскурсии по Лейпцигу и Берлину.

– И всегда посещаете кладбище Зюдфридхоф?

– Не только это.

– Назовите другие.

– Одно из самых популярных – Хунле, особенно в это время года, когда могилы солдат Второй мировой войны покрываются золотыми и красными осенними листьями, – ответил Ластоон, ставший более словоохотливым, как будто его обрадовала возможность поговорить об этой более приятной стороне его работы и продемонстрировать свои исторические познания. – Кроме того, я довольно часто езжу в Прагу и в Берлин. На кладбище Доротеенштадишер похоронены Фихте, Гегель, Бертольд Брехт, Генрих Манн и многие другие гении. Людям нравится рассматривать их могилы. А на юге Берлина есть еще одно, которое привлекает множество туристов. Фридрихсвалд Форст – это старинное позорное кладбище, где хоронили только самоубийц. В конце XIX века в Берлине распространилась мода кончать жизнь, бросаясь в реку Хафель. Вам не случалось посещать какое-нибудь из этих кладбищ?

– Один раз я был на еврейском кладбище в Праге, – ответил инспектор.

– Что вас привело туда?

– Любопытство, я полагаю.

– Значит, между вами и моими клиентами не такая большая разница.

Клаус Бауман не выразил никаких эмоций по поводу такого сравнения.

– Как называют любителей ходить по кладбищам?

– В туристических проспектах их называют «некрологические туристы».

– Мне казалось, что некрологическими называют разделы в газетах, где публикуют сообщения о недавно скончавшихся людях.

– Такова этимология этого слова: *некро* означает «труп» по-гречески, а *логия* – «рассказ» или «сообщение». Язык с легкостью приспосабливается к новым социальным потребностям, – объяснил Ластоон.

– Похоже, вы принимаете меня за полного профана. Однако должен вас спросить, есть ли у вас официальное разрешение на организацию ночных прогулок среди могил.

– Конечно. Кроме того, у меня есть ключи от задних ворот некоторых кладбищ. Часть моего дохода отходит муниципалитетам.

– Что собой представляют ваши клиенты? – спросил Клаус.

– Люди всех стран, классов и полов. Вы были бы поражены, если бы узнали, насколько завораживающее впечатление способна производить смерть на людей, про которых вы бы никогда этого не подумали. Однако я никогда не беру в группу несовершеннолетних без сопровождения родителей.

– Понимаю.

На несколько мгновений напряженная атмосфера кабинета усугубилась тишиной. Клаус Бауман вспомнил свою дочь Карлу и тяжелые разговоры, которые вел с ней прошлой весной. Причиной послужили экстравагантные платья в стиле ренессанс, в которых она собиралась ходить на концерты групп дэтрока, принимавших участие в готическом фестивале, проходившем тогда в Лейпциге. На четыре дня в городе собрались тысячи фанатов с выбеленными лицами, наряженных в черные одежды, с вычурными прическами, загримированных под жутких персонажей или средневековых проституток. Клаусу пришло в голову: что, если его дочь – одна из них, а они с женой ничего об этом не знают?.. Но одна мысль о том, чтобы получить ответ на этот вопрос, заставила его содрогнуться. Подняв глаза на человека, сидевшего перед ним, он продолжил допрос.

– Господин Ластоон, вы имеете какое-нибудь отношение к субкультуре готов?

– Называть ее так означает принижать одно из наиболее креативных социальных движений последних лет. Многие из моих клиентов принадлежат к таким группам.

– Я спрашивал не об этом.

– У меня свое собственное представление о смерти и других темных сторонах, но не стану отрицать, готы мне по душе.

– Вы не подумали, что в тех трупах, которые вы нашли, есть нечто готическое?

Несколько секунд Густав Ластоон молчал, обдумывая ответ.

– Не совсем. Белье на девушках показалось мне слишком реалистичным, как в эротических журналах, ну, знаете... «Плейбой», «Пентхаус», «Мэн» и тому подобное. Но в нарисованных гробницах в виде шестиугольных саркофагов действительно присутствовал определенный готический мистицизм. Самый известный пример – гроб Дракулы. Саркофаг – это символ священного вместилища живой энергии, ее трансформации, метаморфозы и распада. Материальное пространство, где тела, разлагаясь, превращаются в бессмертную энергию космоса. В древности считалось, что саркофаг является источником жизненной силы и знания, которое из мертвого тела переходит к тому, кто ляжет в него живым. Но я бы сказал, что в настоящее время его больше связывают с идеей смерти, с чем-то темным и мрачным.

– Как кладбищенский туризм.

– Я бы сказал – как гробница, изображенная в трех измерениях, которую я обнаружил у монумента Битвы народов. Вы ведь это хотели знать, да?

Клаус Бауман сменил тон, придав голосу больше любопытства:

– Что вы знаете о монументе Битвы народов?

– Не так много, как другие туристические гиды.

– Назовите мне что-то такое, о чем вы не рассказываете своим клиентам на экскурсиях к башне.

Густав Ластоон нервным жестом тронул пальцем правую бровь, что не осталось незамеченным инспектором Бауманом.

– Я скажу, если вы выключите магнитофон и не станете никуда записывать то, что услышите.

Любопытство Клауса возросло до предела. Он выключил магнитофон и убрал руки с клавиатуры ноутбука.

– Во времена нацистского режима существовало тайное общество офицеров СС, которые совершали в крипте башни оккультные ритуалы.

Клаус Бауман разочарованно откинулся на спинку своего кресла.

– Эти легенды мне известны.

– Я говорю не об исторических фантазиях, а о том, что представляет угрозу для мира.

На миг инспектор Бауман подумал, что допрашивает сумасшедшего, помешавшегося на апокалипсисе. Но следующие слова Густава Ластоона снова заставили его заинтересоваться.

– Вы не поверите, но это тайное общество до сих пор существует, под тем же названием и с теми же эзотерическими ритуалами, как тогда.

– Откуда вы знаете?

– Около года назад я познакомился с группой байкеров, которые состояли в подпольной неонацистской организации. Эта банда – точная копия настоящих тайных национал-социалистических обществ, о которых никто не знает и даже не подозревает. Но мне удалось кое-что узнать.

– О чем именно?

– О военизированной организации, вооруженной пистолетами и штурмовыми винтовками, существующей на всей территории Германии и управляющейся из Лейпцига тайным обществом «Стражи смерти». Так же называются гигантские средневековые рыцари, установленные на внешней стороне купола монумента Битвы народов. Нацистские боги снова направляют свои мечи против человечества.

Клаус Бауман приподнялся на стуле и, опершись локтями на стол, пристально посмотрел в глаза гида. Выждав несколько секунд, он спросил:

– Вы думаете, что смерть пяти девушек имеет какое-то отношение к этим богам?

– То, что я увидел сегодня утром перед башней, выглядело как языческий ритуал, посвященный смерти.

– У меня тоже возникло такое ощущение, когда я увидел трупы девушек.

– Значит, вы сами можете сделать выводы.

– Скажите, вы еще продолжаете общаться с той бандой мотоциклистов?

– Я задавал слишком много вопросов, и они перестали со мной разговаривать.

– Как называется банда и где они собираются?

– Возможно, мне не следовало о них говорить. Они очень агрессивны и опасны.

Взгляд Клауса потеплел, выражая доверие к своему собеседнику.

– Об этом никто не узнает, можете быть уверены, – сказал он.

– Эти мотоциклисты никогда не встречаются в одном и том же месте и, чтобы остаться незамеченными, стараются затеряться среди других людей, начиная от скинхедов и кончая финансовыми воротилами. У них нет никакого специального названия, как у других открытых

клубов города, где я состоял. Между собой они используют аббревиатуру «ЧВ», что означает «Честь и верность», взятую из речи рейхсфюрера СС Генриха Гимлера, в которой тот уверял, что его честь состоит в верности Гитлеру и национал-социализму.

– Вы можете назвать кого-нибудь из членов этой банды?

– Я не хочу впутываться в это дело, иначе могу оказаться повешенным в каком-нибудь парке на окраине города с признаками самоубийства.

Клаус Бауман провел рукой по лбу, покрывшемуся испариной.

– Хотите вы или нет, господин Ластоон, но вы уже впутались. Назовите мне кого-нибудь из них.

– Я знал только одного, он учился вместе со мной на историческом факультете, но бросил учебу и стал работать в мастерской по ремонту мотоциклов. Пару лет назад мы случайно встретились на байкерском слете Элефантентреффен, который проходит каждую зиму в долине Лю, и он предложил мне присоединиться к своей группе. Его имя Эрнст Хессен, но все зовут его Флай.

– Он живет в Лейпциге?

– Когда я видел его последний раз, это было так, но сейчас не знаю.

– Опишите его внешность.

– Он мой ровесник, среднего роста, но очень крепкий. Похож на кикбоксера, нос немного свернут вправо, волосы светлые, очень короткие, руки и шея мускулистые, покрытые татуировками. Носит штаны и короткую куртку из черной кожи. Не знаю, что еще можно сказать.

В глазах Клауса Баумана отразилось смутение. Не прошло и часа с тех пор, как они с комиссаром вспоминали о скандале, связанном с расследованием убийств, совершенных неонацистской группой НСП. И вот теперь кладбищенский гид, сидевший напротив него, говорит о военизированной организации, которая охватила всю Германию, управляет ею тайное нацистское общество под названием «Стражи смерти», предположительно связанное с мунументом, где были обнаружены трупы пяти девушек. Впрочем, возможную связь с криминалом, в которую Клаус Бауман почти совсем не верил, тоже нельзя было исключать.

После долгой паузы инспектор выдвинул ящик своего стола, достал четыре экземпляра комиксов, найденных при осмотре квартиры Густава Ластоона, и положил их на стол перед свидетелем.

– Ваши? – спросил он.

– Бросьте! Вы же не думаете, что я имею что-то общее с нацизмом! Это всего лишь графические рассказы из моей коллекции. Я читал и собирал комиксы всю свою жизнь и до сих пор читаю и собираю их. А эти журнальчики даже не немецкие.

– Поясните.

Густав Ластоон взял один журнал в руки.

– Видите этот заголовок? – спросил он, показывая титульный лист комикса с неизвестными Клаусу пятью буквами, расположенными над цветным рисунком с двумя красотками в высоких армейских сапогах, обтягивающих брюках, военных куртках из черной кожи и нарукавных повязках с нацистской свастикой, которые пинали стоявшего на коленях американского солдата. Потом гид добавил: – Это слово написано на иврите и означает «шталаг». Так назывались нацистские лагеря для военнопленных, захваченных во время Второй мировой войны. Но эти комиксы создавались израильскими художниками в семидесятые годы. Их издавали только в Израиле и выдавали за переводные порнокомиксы, привезенные из Соединенных Штатов. После того, как они вышли, их почти сразу запретили. С тех пор они не переиздавались. Поэтому они очень высоко котируются среди коллекционеров, и я храню их, так как они дорого стоят. Надеюсь, вы мне их вернете? Вам они совершенно ни к чему.

– Я оставляю их у себя всего на несколько дней.

– Пожалуйста, берегите их. Мне бы не хотелось, чтобы их заляпали кофе или чтобы с ними еще что-нибудь случилось.

Инспектор понял, что хотел сказать кладбищенский гид. Он сунул комиксы в ящик стола и решил продолжить выяснение обстоятельств обнаружения трупов.

– Вернемся к нашим баранам, господин Ластоон. Что вы делали у памятника Битве народов этим утром, перед тем как позвонили на 112?

– У меня там была назначена встреча.

– С пятью мертвыми девушками?

– Я уже отвечал на этот вопрос. Сколько раз можно спрашивать одно и то же?

– Вы слишком расплывчато отвечаете на вопросы.

– Как меня спрашивают, так я и отвечаю.

– Можете мне сказать, с кем вы собирались встретиться?

– Полагаю, что это молодая англичанка или американка, которая с трудом могла связать два слова по-немецки.

– Какова цель встречи?

– Профессиональная.

– Какой вид туристических услуг вы предоставляете в шесть часов утра?

– Обычно никакой. В это время я не работаю, но я сделал исключение.

– Когда и как вы познакомились с этой девушкой?

– Она позвонила мне на мобильный вчера утром около одиннадцати. Можете проверить список входящих вызовов, – буркнул Густав Ластоон.

– Что точно она говорила?

– Она хотела посетить кладбище Зюдфридхоф перед рассветом. Я ей объяснил, что это невозможно. Как я уже говорил, днем я вожу обзорные экскурсии по городским памятникам на микроавтобусе для другой компании, с которой я сотрудничаю. Мои ночные экскурсии начинаются ровно в полночь.

– Тогда почему вы согласились?

– Она предложила за посещение тысячу пятьсот евро.

Клаус Бауман совсем не думал в этом направлении и мысленно упрекнул себя за это.

– Она приехала и заплатила?

– Она заверила, что придет раньше меня и оставит деньги под камнем сбоку от входа в монумент...

– И оставила?

Густав Ластоон сунул руку в потайной кармашек, скрытый под лацканами пальто, и, вытащив три аккуратно сложенные пополам купюры по пятьсот евро, положил их на стол.

– Они лежали там, где она сказала. По телефону девушка очень настаивала, чтобы я их взял. Она сказала, что приехала издалека, чтобы оказаться на этом кладбище в Лейпциге на рассвете. И это должно произойти именно в эту ночь.

– Она объяснила, почему это ей так важно?

– Она сказала, что это связано с черной луной.

– С черной луной?

– Да, это такая лунная фаза, которая наступает перед тем, как луна снова начинает становиться видимой. Для некоторых эзотериков это знаменует собой магическое обновление, и они устраивают действия и ритуалы, не менее важные, чем на Хеллоуин.

– Вы знаете какой-нибудь из этих ритуалов?

– Их каждый может найти в Интернете: свечи, какой-нибудь напиток, наркотики, – он изобразил пальцами рук кавычки, – заклинания, танцы, иногда секс.

При упоминании наркотиков и секса Клаус Бауман встрепенулся. Скоро будут готовы результаты токсикологической экспертизы трупов, и он сможет узнать причину смерти деву-

шек. Комиссар с самого начала высказался, что считает наиболее вероятным ключом к этому делу нелегальную торговлю сексом и наркотиками, и Клаус опасался, что выяснение возможной причастности мафиозных сетей из Германии, Чехии, Польши и даже России превратит его расследование в громоздкую неразрешимую головоломку. Нет, сказал он себе. Выбор места преступления и его сценография – все это говорило в пользу ритуального убийства, а не мафиозной разборки. И все же Клаус не хотел торопиться с выводами. Пока нет.

– Почему вы решили встретиться с этой девушкой у монумента Битвы народов? – спросил он.

– Он расположен очень близко к кладбищу, и ей захотелось осмотреть башню. Но сейчас я думаю, что эта девушка, или кто она там, просто устроила мне ловушку. Она хотела, чтобы я нашел трупы. А эти тысяча пятьсот евро оставила мне за причиненное беспокойство, а может быть, как доказательство моей причастности к смерти девушек. Боюсь, кто-то хочет втянуть меня в это преступление, чтобы избавиться от меня, не прибегая к убийству. Возможно, то самое тайное общество, о котором я вам рассказал.

– Господин Ластоон, девушка, которая вам звонила, – как ее звали? – спросил Клаус, не обращая внимания на опасения, высказанные кладбищенским гидом.

– Она не захотела назвать свое имя, попросила только, чтобы я называл ее Ведьмина Голова.

Глава 9

Если я предложила создать чат в глубокой сети, чат в преисподней, то только для того, чтобы никто не смог узнать о наших намерениях. Я уже знала, как войти в преисподнюю и как выжить в ней. Мне оставалось только найти других девушек, таких же, как я, или совсем не похожих на меня, но хранящих тот же секрет. Девушек, которым больше не на что надеяться. Отыскать их в Интернете оказалось совсем несложно. Есть адреса, форумы, чаты, социальные сети, где надо искать, если знаешь, как это делать. Те, кто хранят наш секрет, сразу узнают друг друга, и для этого нам даже не нужно видеть лица друг друга. Чтобы понять, кто мы такие, достаточно нескольких слов в каком-нибудь чате. Я сама отбирала каждую из дам Черной Луны и думаю, что не ошиблась, хотя момент окончательного подтверждения наступит еще через несколько недель. Нам нужно время.

Меня беспокоит, что Яблоко П может не вернуться в группу. Дело не в том, что я боюсь, как бы мы не остались втятером. Я только очень надеюсь, что она останется верна нашему договору молчания, если решит не возвращаться. Никто не должен узнать о моем проекте.

Часы показывают ровно двенадцать ночи.

Черная Луна: Яблоко П, ты здесь?

Тишина, я жду.

Яблоко П: Это как посмотреть...

Начинают появляться остальные.

Балерина: Что значит «как посмотреть»?

Туманность: Думаю, Яблоко П хочет выставить какое-то условие.

Ведьмина Голова: Она занята. Эклеры печет.

Богомол: Почему бы тебе не оставить ее в покое?

Черная Луна: Никто ее не трогает. Ладно, Яблоко П, расскажи нам, что происходит.

Яблоко П: Я здесь, но буду молчать.

Черная Луна: Ты не обязана говорить, если не хочешь.

Туманность: Или не можешь...

Балерина: Яблоко П, ты что, наглоталась сегодня каких-то таблеток?

Ведьмина Голова: Вот я только что заварила себе чай с ароматическими травами...

Богомол: По-моему, жидковатое зелье для такой ведьмы, как ты.

Ведьмина Голова: Ладно... я подложила туда немного марихуаны и мяты, но никаких змеиных кишок или слюны бешеной крысы.

Туманность: А я просто курю сигареты, одну за другой.

Балерина: Я задавала вопрос Яблоку П. Меня мало волнует, чем травят себя остальные.

Все молчат.

Яблоко П: Оставьте меня в покое, я в другом мире... безджелстинеумиьчллсмпав.

Ведьмина Голова: Это какой-то эльфийский язык?

Балерина: Она хочет сказать, чтобы ты заткнулась.

Туманность: Да что с вами такое сегодня ночью? Откуда такая агрессия?

Богомол: На войне как на войне, дорогуша.

Я еле сдерживаюсь.

Туманность: Я бы предпочла поговорить о серьезных вещах.

Балерина: По-твоему, недостаточно серьезно, что Яблоко П сидит на наркотиках, ты постоянно грустишь и куришь, Ведьмина Голова помещена на кладбищах, Черная Луна – на глубокой сети, Богомол – на лесбийской любви, а я – на ненависти?

Богомол: Эй, подожди, я не говорила, что помещена на сексе, не надо сочинять.

Балерина: То, что не говорится, угадывается.

Богомол: А какое пристрастие у тебя, Балерина? Трахаться со своим учителем танцев на балетном станке?

Балерина: Ты ошибаешься, секс меня не волнует. У меня нет других зависимостей, кроме ненависти ко всему и ко всем, в том числе к вам.

Туманность: Пожалуйста, не продолжай, это не имеет смысла.

Ведьмина Голова: А по-моему, в этом чате все имеет смысл.

Туманность: Ты тоже?..

Ведьмина Голова: Нет, я не лесбиянка, я обжора. Ем все подряд и не могу остановиться. А потом меня рвет, и я выплевываю все, что сожрала. Это тоже можно считать зависимостью, если тебе нравится такое название. Об этом никто не знает, но у меня это с 14 лет. У меня генетическая предрасположенность набирать вес, как у моего отца, который всю жизнь сидел в баре и пил темное пиво. Сейчас он весит 140 кило, и в нашей деревне его зовут «пьяная свинья». Он никогда не выходит из дома, не может двигаться.

Яблоко П: Что-то у меня голова кружится.

Туманность: Ничего себе встреча дам! Если бы знать раньше, надо было выбрать другое, более подходящее название для чата.

До сих пор я не вмешивалась в ход разговора, но сейчас думаю это сделать. Я была уверена, что Туманность самая слабая из нас и что она всегда будет со мной. Я ошибалась. Сейчас я чувствую, что она переживает и не знает, как поступить.

Черная Луна: Приведи пример, Туманность.

Туманность: «Девчонки из выгребной ямы». По-моему, неплохо.

Ведьмина Голова: Мне нравится. Очень нравится. Очень, очень.

Балерина: Все, меняем название! «Девчонки из выгребной ямы» подходит нам лучше всего. Более современно и реалистично.

Яблоко П: ОК.

Богомол: Я согласна. Но что скажет Черная Луна?

Пишу новое название чата на желтом стикере и рядом рисую череп. «Девчонки из выгребной ямы» звучит неплохо, но мне не нравится, что в моем проекте что-то меняют. Приклеила стикер в качестве закладки в книгу, которую я читаю. Пишу ответ.

Черная Луна: Вас большинство, вам решать.

Балерина: Это меняет дело.

Туманность: Какое дело?

Богомол: Не вижу, почему это должно изменить все остальное.

Ведьмина Голова: Хочешь сказать, что мы больше не будем дамами Черной Луны?

Балерина: Умница!

Черная Луна: Я поменяю название чата в глубокой сети.

Балерина: Мне кажется, хорошая мысль.

Черная Луна: Но я по-прежнему останусь единственным администратором сайта, и только я смогу открывать сессию в чате.

Глава 10

Когда он проезжал по улице в районе Томаскирхе, музыку, доносившуюся из динамиков машины, перебила мелодия звонка комиссара Клеменса Айзембага.

– Ты что, хочешь, чтобы министр повесил меня на Аугустусплац? Как ты мог отпустить единственного подозреваемого, который у нас есть, после всех прелестей, о которых мы узнали из его показаний, и его собственного признания в некрофильской деятельности?

– Он просто гид, который водит туристов по кладбищам.

– Но разве не он сам назвал некрополем то, что обнаружил у монумента? Будь я проклят, но этот тип в дерьме по самые уши!

Кlaus Бауман остановился на светофоре и почесал подбородок. Пару дней назад он подравнивал бороду, и у него до сих пор чесалось лицо.

– Этот тип так же невиновен, как мы с тобой. Его специально заманили туда, чтобы он нашел трупы и сообщил нам, вот и все.

– И ты ему веришь, потому что так тебе подсказывает через наушники твое шестое чувство!

Кlaus устало зевнул.

– Ладно, допустим, ты прав. Тогда Густав Ластоон гораздо полезнее нам на свободе, чем в камере. Служба слежения будет присматривать за ним днем и ночью.

– Он купит себе другой мобильник, и ты не сможешь его отследить.

– Я дал ему один из наших телефонов, пока мы будем изучать его мобильник. Я буду постоянно поддерживать с ним связь.

– Ты не должен был принимать таких решений без моего разрешения.

– Мне казалось, я достаточно компетентен, чтобы руководить этим расследованием. В любом случае я не думаю, что прокурор согласится, чтобы мы ограничивали коммуникации обычного свидетеля. У нас нет ни одной улики против Густава Ластоона, и то, что он водит экскурсии по кладбищам, еще не делает его подозреваемым в убийстве.

На светофоре загорелся зеленый, и машина двинулась в сторону Гётештрассе.

– Не пытайся мне перечить, Klaus! Я этого не допущу!

Инспектор сделал вид, что не расслышал.

– Увидимся, когда я закончу в институте судебной медицины. На телах девушек обнаружены новые произведения искусства, которые были не видны на месте преступления.

– И что это еще за дьяволятина?

– У них жуткие раны на спине.

Доктор Хелен Годдард и доктор Жезерих – два самых опытных судебных патологоанатома – ждали Клауса Баумана в зале аутопсии, в подвале здания с белыми коридорами и раздвижными железными дверями.

Ассистент подал ему латексные перчатки, халат и одноразовую маску сине-зеленого цвета. Но прежде чем надеть маску, Klaus открыл баночку ментолового крема и жирно смазал им усы и ноздри. Он совершенно не выносил запаха смерти, даже в тех случаях, когда другие его не замечали. Потом, вежливо поблагодарив ассистента, несколько раз глубоко вдохнул и вошел в зал аутопсии.

Пять трупов лежали на пяти разных столах, каждый – в герметичном мешке из белого пластика. Только у одного мешка с телом девушки молнию приоткрыли, что позволяло хорошо видеть ее голову.

Кlaus Бауман поздоровался с доктором Годдард и доктором Жезерихом, пристально глядя им в глаза – только их он и мог видеть. Впрочем, он уже встречался с ними на рассвете на месте преступления. Тогда они вместе со следователем решили, не меняя положения трупов,

прямо с нарисованными саркофагами, с максимальными предосторожностями поместить их в специальные мешки и отвезти в институт судебной медицины. Необходимо было сохранить любые возможные органические и материальные следы сценографии, образованной телами и саркофагами как единое целое. После этого каждое тело положили на отдельный стол, чтобы провести вскрытие. С тех пор прошло уже несколько часов.

Медики были в хирургических шапочках, закрывавших волосы и часть лба, отчего взгляд обоих казался особенно пристальным и напряженным. Очевидно было, что состояние тел мертвых девушек поразило их до глубины души.

– Мы никогда не видели ничего подобного. Эти пять тел превращены в произведения судебно-медицинского искусства. – Голос патологоанатома не мог скрыть ее смятения.

Клаус Бауман молча подошел к столу для вскрытия. У девушки, покоившейся на нем, были очень светлые, почти совсем белые волосы и открытые глаза. Глаза, которых на месте преступления инспектор Бауман не разглядел.

– Почему у нее золотые глаза?

– Этот эффект искусственно создан на глазах всех девушек, – объяснила доктор Годдард. Взяв крохотный пинцет, она сняла с поверхности роговицы линзы, открыв голубые глаза жертвы, блеск которых навсегда погасила смерть.

Доктор Жезерих посмотрел на Клауса.

– Мы уже начали составлять протокол вскрытия. Линзы мы отправим в лабораторию для исследования. Возможно, удастся найти какие-то следы посторонних лиц, принимавших участие в «погребении». Безусловно, нас больше всего поразила невероятная анатомическая точность, с которой сделаны рисунки на телах.

С этими словами медик до конца расстегнул мешок, и одной рукой перевернул застывшее холодное тело так, что стало видно спину.

– Кто мог сотворить такое?! – воскликнул Клаус.

На спине девушки была нарисована окровавленная полость, как будто большую часть кожи лоскутом неправильной формы от лопаток до третьего поясничного позвонка надрезали и отделили от тела. Внутри этой полости были изображены позвоночник и мышцы, рассеченные кинжалом, торчавшим в центре глубокой раны.

Клаус Бауман сунул руку под зелено-синий халат и достал из кармана куртки мобильник.

– Я должен сфотографировать этот рисунок, – пояснил он.

– Как я предупреждала по телефону, эти жуткие картины никак не вяжутся с трехмерным изображением предметов белья, – заметила патологоанатом.

Доктор Жезерих кивнул, поддерживая мнение коллеги, и добавил:

– Это произведения искусства, чья истинная мотивация нам непонятна. Хотя, исходя из монументального контекста места преступления и изображений белья, ран, кинжалов и саркофагов, можно предположить, что мы имеем дело с каким-то обрядовым действием, которое привело к массовой смерти, наступившей, однако, без применения реального физического насилия. Подобные обстоятельства дают основания для версии о ритуальном жертвоприношении, в ходе которого девушкам дали яд или смертельный наркотик. Это может рассматриваться как убийство, совершенное преступной группой, занимавшейся торговлей сексом, или как необычное групповое самоубийство, связанное с какой-нибудь опасной сектой, осуществленное девушками при помощи как минимум еще одного лица. Должен быть кто-то, изобразивший саркофаги и рисунки на телах, снабдивший их ядовитым веществом, вызвавшим смерть, после чего он или они уничтожили все следы их одежды и машины, на которой они приехали к монументу.

Слова судебного медика задавали новые направления расследования, до этого момента не приходившие на ум Клаусу.

– Что скажете о времени и причине смерти? – спросил он.

На этот вопрос ответила доктор Годдард:

– Девушки умерли между четырьмя и пятью часами утра.

Она объяснила, что, учитывая незначительное усыхание роговицы, а также температуру тел девушек на месте их обнаружения – не слишком низкую, несмотря на то что они были совершенно раздеты и находились там холодным утром, – точное время смерти установить сложно. Однако эти же признаки говорят о том, что все девушки скончались примерно в одно и то же время и нет никаких оснований считать, что их тела были привезены к монументу из какого-то другого места. Кроме того, она сказала, что после проведения тщательного внешнего осмотра трупов в зале аутопсии у них нет сомнений в том, что все девушки умерли в той же самой позе, лежа на спине, в которой они находились в момент обнаружения.

– Человек, нашедший их, работает кладбищенским гидом, – сказал Клаус Бауман.

– Какое зловещее совпадение, – изумленно отозвался доктор Жезерих.

– Возможно, это действительно совпадение.

– Наверно, его можно считать первым подозреваемым? – настаивал медик.

– Это скоро выяснится, но пока он только свидетель.

Доктор Годдард предусмотрительно промолчала, не выразив мнения по поводу того, что человек, нашедший трупы в обстановке, изображавшей гробницу, оказался кладбищенским гидом. Ее профессиональной специализацией была судебная патология, а не психология преступника.

– Первые токсикологические анализы, – продолжила она, – указывают в качестве причины смерти на яд, или наркотик, обладающий мгновенным парализующим действием. Кроме того, мы наблюдаем некоторые противоречивые особенности *post mortem*², которые укрепляют нас в этом мнении.

Постепенно слова патологоанатомов начали сливаться в голове Клауса Баумана в смутное жужжание роя ос, вонзавших свое жало в его мозг.

– Я не совсем понял, что вы хотите сказать, – пробормотал он.

– Данные внешнего осмотра трупов, температура тел, недостаточная распространенность и интенсивность побледнения, а также некоторые другие особенности указывают на то, что прошло не больше двух часов с момента смерти девушек до момента, когда мы прибыли к башне. В то же время степень *rigor mortis*³ их тел была такой сильной, как будто прошло больше семи часов. Это наводит нас на мысль, что яд, или наркотик, ставший причиной их смерти, одновременно с ней вызвал мышечный спазм всей мускулатуры, за исключением лиц.

– Значит, они не страдали от предсмертных конвульсий?

– Мы не можем доказать это научно, но, по нашему опыту, спокойное выражение их лиц заставляет думать, что они умерли безболезненно, хотя и скоропостижно, – заверила его доктор Годдард.

Клаус Бауман подошел к одному из оставшихся четырех столов и открыл мешок, где лежала другая девушка. Посмертная бледность трупа не смогла испортить красоты ее лица. У нее были очень черные, коротко подстриженные волосы, серые глаза и темно-лиловые губы.

Доктор Жезерих взял руку девушки и показал инспектору внутреннюю сторону запястий.

– Эти шрамы остались от ран, полученных не менее двух-трех месяцев назад. Исходя из глубины и формы этих ран, мы можем сказать, что, вероятнее всего, она нанесла их себе сама с помощью какого-то острого предмета, например куска стекла.

– Попытка самоубийства, – заключил Клаус Бауман.

² После смерти (*лат.*).

³ Трупное окоченение (*лат.*).

– Да, совсем не то, что здесь... – сказала доктор Годдард, подойдя к другому секционному столу и открыв мешок с трупом. Это была девушка с длинными каштановыми волосами, доходившими до плеч, и ровной челкой.

Доктор Жезерих помог ей перевернуть тело. На спине девушки Клаус увидел такое же трехмерное изображение открытой раны с кинжалом в центре, но в этом случае он чуть было не закрыл глаза от ужаса.

– Здесь десятки самых настоящих рубцов. Они покрывают почти всю спину и вызваны порезами на коже, очень тонкими, но глубокими, нанесенными режущим предметом с очень острым концом, скорее всего, скальпелем, – пояснила доктор Годдард.

– Судя по разной степени рубцевания, мы полагаем, что раны могли быть нанесены в самое разное время, однако происходило это достаточно часто, – пробормотал доктор Жезерих.

Его коллега продолжила:

– Было бы логично предположить, что такие раны девушка не могла нанести себе сама. Следовательно, в течение долгого времени она постоянно подвергалась истязаниям. Мы не видим другого объяснения.

Инспектор Бауман почувствовал, что ему не хватает воздуха.

– А две другие девушки?

Доктор Годдард продолжила свой путь по залу, и Клаус невольно представил себе Густава Ластоона, проводящего одну из своих некрологических экскурсий среди могил известных людей, которые он показывал своим клиентам.

– У этой все тело покрыто отверстиями от бесконечных пирсингов: брови, уши, губы, язык, пупок и даже вульва. Некоторые выглядят воспаленными. Биологический анализ это подтвердит. По нашему мнению, девушка наверняка состояла в какой-нибудь молодежной группировке, – констатировала доктор Годдард.

Глядя на рыжие волосы девушки, инспектор с мрачным видом присоединился к этому мнению. С одной стороны ее волосы были сбиты, длинная челка спадала на другую сторону лица. Цвет глаз напоминал густой мед.

– Странно, что у нее нет ни одной татуировки, – заметил он.

– Вы правы. Обычно люди такого психотипа сочетают пирсинг с татуировками.

– Может быть, у нее аллергия на краску? – спросил Клаус.

– Это чисто умозрительная гипотеза, без всякого научного обоснования, – отрезал доктор Жезерих.

Затем он указал рукой в угол секционного зала:

– Самая молодая лежит там. Можете посмотреть на нее, если хотите.

Клаусу пришлось сделать над собой усилие, чтобы скрыть желание как можно скорее уйти из секционного зала, и в сопровождении доктора Жезериха он подошел к оставшемуся столу. Эта девушка наверняка была очень красивой при жизни, однако выглядела хрупкой и очень худой.

– Как вы думаете, сколько ей лет?

– По нашим расчетам, от восемнадцати до двадцати. Как и у первой девушки, у этой присутствуют внешние признаки, говорящие об употреблении наркотиков. Анализ дал положительный результат на кокаин, экстази и марихуану, и это помимо множества других веществ, которые еще предстоит определить.

– Но у нее на руках нет следов от уколов, – сказал инспектор.

– Да, верно. Видимо, она не употребляла их внутривенно.

– Когда будет готов ваш отчет?

В глазах Хелен Годдард мелькнуло усталое выражение, она подошла к компьютеру, стоявшему на маленьком столике у входа. Взяв две пухлые папки, она показала их инспектору.

– В данный момент мы составляем первичное заключение, сделанное на основании внешнего осмотра трупов. Отчет будет готов через несколько дней, после того, как мы проведем вскрытие и закончим обследование внутренних органов и все необходимые гистопатологические анализы.

Глава 11

Я разозлилась? Да, конечно... и еще как! Мои дамы взбунтовались против меня, устроив импровизированную революцию с неосознанной подачи той, кого я считала своим самым надежным союзником, – Туманности. Она зажгла искру в виде своей дурацкой идеи сменить название чата по причине наших пороков. Этого только и ждала Балерина, чтобы снова пустить в ход свои ядовитые зубы и покончить с моим виртуальным царствованием в чате. Типичное проявление спеси, так характерной для предателей всех времен. А остальные просто сыграли роль статистов в этом заговоре, не понимая последствий своего переименования в «Девчонок из выгребной ямы». В черной луне есть надежда на обретение нового света; в выгребной яме сплошная грязь и беспросветная тьма. Боюсь, теперь все в моем проекте пойдет не так, как я себе представляла. Но они сами так решили. Теперь за то, что будет дальше, отвечают эти пятеро, а не я.

Представляю, о чем они думают за несколько минут перед тем, как проверить, открою я очередную сессию чата или оставляю их во власти страха, парализующего каждую за пределами этой сети. Хотя меня саму хаос пугает не меньше.

После двенадцати ночи прошло всего две минуты.

Черная Луна: Извините, сегодня я не пунктуальна.

Туманность: Каждый может опоздать. Не волнуйся.

Ведьмина Голова: Две минуты ничего не значат. Лично я красила ногти в черный цвет, они выглядели отвратительно.

Проходит несколько секунд, и пока на экране больше никто не появляется.

Балерина: Если такое повторится, я больше не останусь, не стану ждать, как сейчас.

Богомол: Мне все равно.

Черная Луна: А Яблоко П? Если сегодня она снова не выйдет на связь, ее ключ доступа в чат деактивируется автоматически.

Балерина: Это угроза?

Черная Луна: Нет... напоминание. Так запрограммирован чат, и вам это хорошо известно.

Богомол: Это правда, мы все это знаем. В том числе и Яблоко П.

Яблоко П: Может, уже хватит меня обсуждать? Я здесь. Прошлой ночью я просто немного...

Ведьмина Голова: Кокаин, немного душистой травки...

Яблоко П: Нет, кое-что более забористое, если ты не забыла!

Ведьмина Голова: Героин?

Яблоко П: Угадай...

Туманность: Яблоко П, какие наркотики ты принимаешь?

Яблоко П: Почему бы тебе не оставить меня в покое и не спросить Черную Луну о ее пороках?

Черная Луна: Ты сама можешь меня спросить.

Ответ задерживается, как будто всем спокойнее, когда я ничего не говорю.

Балерина: Давай я спрошу.

Черная Луна: *Не возражаю. Я знаю, все ждут, что Балерина задаст какой-нибудь жесткий вопрос о моей жизни. Нам всем есть что скрывать, помимо нашего общего секрета.*

Балерина: *И каков же твой тайный грех?*

Хотя я очень хорошо знаю, что ответить, намеренно тяну время. Выдержав долгую паузу, медленно набираю на клавиатуре своего компьютера.

Черная Луна: *Я убила человека.*

Время идет, но никто ничего не говорит. На сегодня чат закрыт.

Глава 12

Ее разбудили бормотание голосов и смех, доносившийся из сада. Праздник в честь прибытия новых студентов в общежитие Арно-Ницше начался. Сусанна взглянула на свои наручные часы и обругала себя за то, что проспала столько времени. Она одним прыжком соскочила с кровати, открыла окно и выглянула в сад. В центре круга, образованного толстыми стволами спиленных деревьев, горел большой костер. На улице было не холодно, но тучи, по-прежнему закрывавшие все небо, предрекали влажную ночь. Сквозь разноголосый шум слышалась включенная кем-то электронная музыка.

Сусанна решила одеться и спуститься вниз. Натянув облегающие джинсы, рубашку и тоненький шерстяной джемпер, она сунула ноги в короткие сапожки, причесалась, подчеркнула веки зелеными тенями, тронула губы яркой помадой, взяла мобильник, выключила свет и вышла из комнаты.

Спустившись на нижний этаж, она направилась в сад. Обогнула несколько групп студентов, чтобы не проталкиваться через них, и подошла ближе к горевшему в центре костру. На углях лежали большие железные решетки, а на длинном столе стояли тарелки с хлебом, салатами из капусты со свеклой, свиными ребрами, соусы и ассорти из разных колбас. Меню оказалось гораздо разнообразней, чем она ожидала.

Сусанна поискала взглядом Илиана, но нигде вблизи костра его не нашла.

– Надо же, значит, ты все-таки вышла, – раздался голос у нее за спиной.

Она уже слышала этот голос. И видела лицо, обращенное к ней с улыбкой. Теперь его волосы уже не падали на глаза, а были убраны в короткий хвост. Увидев рядом с собой Бруно Вайса, Сусанна подумала, что он обращается к кому-то другому. Тогда на вокзале она видела его всего несколько мгновений и не слишком хорошо запомнила физиономию. Однако она не могла отрицать, что присутствие Бруно ее обрадовало, как и то, что он подошел к ней.

В руках он держал две бутылки пива, одну из которых протянул Сусанне.

– Можешь попробовать, оно не отравлено, – сказал он и без тени улыбки приподнял брови, подчеркивая свою иронию.

Взяв бутылку, Сусанна поблагодарила его.

– Мне жаль, что утром так получилось. Я вела себя, как испуганный ребенок.

– А я как дурак. Мне надо было успокоить тебя, а не обижаться на твое недоверие.

– Я немного перенервничала... не знаю, наверно, это потому, что все произошло слишком быстро.

– Да, конечно, я тебя понимаю... Кроме того, вполне естественно, что ты мне не доверяла. Ты ждешь Лесси, а вместо нее появляется какой-то незнакомец и предлагает ехать с ним на его машине.

– Ладно, проехали. Это уже не важно.

Бруно Вайс развел руками и с извиняющимся видом пошевелил бровями.

– Хочешь что-нибудь съесть?

– Я собиралась взять салат и одну колбаску.

– Вообще-то я не собирался идти на это барбекю. Мне хотелось бы пригласить тебя поужинать в центре. Если ты не хочешь садиться в мою машину, можем поехать туда на трамвае.

Сусанна глотнула пива из бутылки. Оно было холодным.

– Сначала скажи, почему ты сюда пришел. Не люблю, когда меня жалеют.

– Лесси просила, чтобы я побыл твоим наставником, пока ты не разберешься со всеми официальными бумагами и не обживешься здесь. У нее не хватило времени внести нужные изменения в программу Buddy⁴.

– На самом деле мне не нужна помощь, но на этот раз я не стану говорить, что никуда с тобой не поеду, – улыбнулась она.

– Тогда поехали отсюда, и чем скорей, тем лучше, пока не начало вонять горелым мясом.

Автомобиль Бруно Вайса оказался маленьким «Трабантом-601», выпущенным в восьмидесятые годы еще в бывшей ГДР. У него были две двери, круглые фары и такой цвет, словно его полили красным вином. И еще он был слишком блестящий, чтобы выглядеть аутентичным.

– Какая у тебя кокетливая машина, – не удержалась Су-санна.

Бруно открыл дверь и пригласил ее сесть. Обойдя машину спереди, он пару раз легонько стукнул по капоту и с веселой усмешкой посмотрел на Сусанну сквозь лобовое стекло. Потом открыл водительскую дверь, уселся, сунул ключ в зажигание и завел мотор.

– Эта старая рухлядь принадлежала моим родителям. Они оставили ее мне, когда уехали отсюда после падения Берлинской стены.

– Они уехали? – с сомнением произнесла она.

– Да, но я расскажу тебе о себе и своих родителях только после того, как ты мне объяснишь, где ты научилась говорить по-немецки. Никто бы не сказал, что ты иностранка и, уж тем более, что ты из Испании. Наши языки совсем не похожи, – заявил Бруно, искоса взглянув на Сусанну.

– Моя мать немка из Ингольштата, а дедушка с бабушкой до сих пор там живут. Я родилась в Гранаде, мой отец испанец, у него бизнес по импорту машин. В молодости он работал на заводе «БМВ» в Баварии и познакомился с моей матерью на конференции.

Сусанна невольно растрогалась. Но ее теплые чувства породили не воспоминания о родителях или о своем городе. Ее эмоциональная связь с родителями почти утратилась еще в подростковом возрасте, несмотря на их постоянную заботу. Особенно усилившуюся после того, как мать сводила ее к гинекологу, поскольку к четырнадцати годам у нее так и не появились месячные. Не появились они и после длительного гормонального лечения, и никогда потом. В этом году ей превентивно удалили матку и яичники из опасений их перерождения. И через несколько месяцев после этого Сусанна почувствовала, что в ее теле и в сознании что-то начало меняться. Сначала появилась неуверенность в себе, тревога перед возвращением в институт, потом страх перед новыми знакомствами. Наконец, она влюбилась в одного парня и пережила первый сексуальный опыт. Холодный, болезненный и разочаровывающий.

Машина въехала на Ричард-Леман-штрассе, чтобы обогнуть район Зюдворштат через огромный парк, раскинувшийся на западе города. По мере того как деревья все плотнее подступали к дороге, сумерки на глазах превращались в темную беззвездную ночь.

Ресторан назывался «B10», потому что находился в доме десять по Бетховенштрассе – современном здании с большими окнами в деревянных рамах, серыми стенами, светильниками в виде колоколов, висевших над каждым столиком, и маленьким баром со стеклянной витриной, где стояли подсвеченные сзади бутылки. Наверху полки украшали пять квадратных часов, показывавших разное время, – аллегория относительности времени.

Подошедшая официантка несла поднос с двумя бокалами рислинга, которые предложила им.

– Сейчас я приготовлю вам столик, – сказала она.

Ресторан был битком набит людьми, хотя студентов среди них Сусанна не заметила. Цены в меню были им не по карману.

– А ты чем занимаешься? – спросила Сусанна.

⁴ Программа помощи иностранным студентам. (Примеч. пер.)

– Я преподаю игру на виолончели в консерватории.

– Надо же, как интересно! А недостатки у тебя есть? – шутливо спросила она.

Глаза Бруно блеснули, он засмеялся.

– Иногда моя германская гордость может принимать извращенные формы.

Официантка уже успела убрать столик. Они сели и, прочитав меню, выбрали блюда.

За ужином Бруно Вайс рассказал о своих родителях. Оба были химиками и помимо преподавания в Лейпцигском университете работали в фармацевтической компании. Бруно стал одним из множества детей, родившихся в Восточной Германии через девять месяцев после ночи 9 ноября 1989 года, как неожиданный плод падения Берлинской стены.

– Я обязан своим появлением на свет событию всемирного значения, которое тысячи немецких пар отметили, занимаясь любовью в парках или у себя дома. Мои родители не хотели иметь детей и даже думали об аборте, но моя бабушка убедила мать позволить мне родиться, сказав, что сама будет обо мне заботиться.

Через десять лет после падения Стены родители Бруно получили приглашение из Соединенных Штатов на работу в транснациональной компании, для чего семье предлагалось переехать жить в Чикаго. К тому времени Бруно исполнилось девять лет, и благодаря стараниям бабушки по материнской линии, бывшей известной оперной певицы, с самого его рождения занимавшейся его музыкальным образованием, он уже виртуозно играл на фортепиано и виолончели. Он рос с ней, и, когда для родителей настал момент ехать в Америку, бабушка отказалась отпустить его с родителями, поскольку это навсегда оторвало бы его от немецких корней и поставило крест на его многообещающей музыкальной карьере. Решение приняли, не спрашивая его. Родители уехали в Чикаго, оставив Бруно дом и машину, а он продолжил жить с бабушкой до тех пор, пока три года назад она не умерла.

– С тех пор как они уехали, я ни разу их не видел, – закончил он.

Потом, не давая Сусанне времени сделать какое-нибудь замечание, спросил:

– Ты уже слышала новость?

– Нет, не знаю, о чем ты?

– Сегодня после двенадцати ее постоянно повторяют на всех каналах. На рассвете полиция обнаружила пять мертвых девушек...

Сусанна вскинула руки к лицу.

– О боже! – воскликнула она.

Пока она с потерянным видом смотрела куда-то вдаль, Бруно пересказал то небольшое, что сообщил комиссар полиции Лейпцига на пресс-конференции, показанной по телевизору.

– Кто эти девушки, неизвестно, но всем им от двадцати до тридцати лет.

– Думаешь, какая-то из них могла быть студенткой, приехавшей по обмену? – спросила Сусанна в ужасе от услышанного.

– Никто ничего не знает. Полиция сделала публичное обращение с просьбой ко всем, кто в последнее время заявлял об исчезновении или странном поведении какой-нибудь девушки, которую они не видели последние несколько дней. Они считают, что любая информация может помочь им идентифицировать трупы.

То, о чем подумал Бруно, могло показаться абсурдным, но это не помешало ему произнести это вслух:

– Я беспокоюсь за Лесси.

– Думаешь, с ней что-то случилось?

– Не знаю, но меня кое-что смущает. Я звонил ей сегодня вечером, когда увидел эти новости по федеральному каналу, но ее мобильный отключен.

– Я тоже пыталась ей дозвониться перед тем, как пойти на праздник. И не смогла. Но я уверена, что это совпадение. Если она вернулась в Сербию, с ней ничего не могло произойти.

– Думаю, мне все же лучше завтра утром позвонить в полицию. Лесси жила в квартире моей бабушки.

– С тобой? – машинально выпалила Сусанна. – Извини, я не хотела... – поправилась она.

– Нет, мы просто хорошие друзья. У Лесси немного странный характер. Она говорила, что никогда не сможет никого полюбить. Она приехала в Лейпциг два месяца назад, и я сдал ей одну из комнат в бабушкиной квартире.

У Сусанны вдруг возникло ощущение, что все вокруг исчезло: люди, ужинавшие за соседними столиками, официантки, веселая компания, сидевшая у барной стойки с большими кружками пива. Все ее внимание сосредоточилось на том, что говорил Бруно. Теперь он виделся ей совсем не таким, каким показался утром на вокзале... Возможно, потому, что он волновался, или потому, что с волосами, собранными в хвост, его лицо приобрело более серьезный и доброжелательный вид.

– Пожалуйста, расскажи мне о Лесси. Когда я приехала на вокзал сегодня утром, мне так хотелось с ней познакомиться. Меня очень расстроило, что она не приехала.

– Я мало что могу рассказать о Лесси. Она работала через Интернет, писала лекции по русской литературе для одного белградского издательства, и еще она писала пьесу для театра, но сама не знала, когда и как сможет ее закончить. Так что все дни она проводила с книгой в руках или за компьютером. Она была не очень общительной и вела ночной образ жизни. За те два месяца, что Лесси прожила в Лейпциге, она почти не выходила на улицу. Ее единственной подругой стала девушка, с которой я ее познакомил и которую я знаю уже много лет, поскольку мы учились в одной школе. Я тебя с ней познакомлю. Уверен, она тебе понравится.

– Значит, Лесси не училась в университете?

– Она собиралась вести на филологическом факультете семинары, посвященные писателям из Восточной Европы. Это ее специальность. У нее диплом по славянским языкам, и она прекрасно говорит по-русски. Лесси согласилась участвовать в программе помощи иностранным студентам, приезжающим по программе «Эразмус», поэтому ее назначили твоей наставницей, вот и все.

– А какая она?

– Очень красивая.

– Я имею в виду характер.

– Если бы меня попросили назвать самую характерную черту ее характера, я бы сказал, что это невозмутимость. Да, Лесси самая невозмутимая девушка из всех, кого я знаю. Прощаясь со мной, она меня поцеловала и сказала, что когда-нибудь мы встретимся в вечности. Она имела обыкновение говорить такие вещи.

Глава 13

Выйдя из Института судебной медицины, Клаус Бауман уже собирался сесть в машину и вернуться в комиссариат, но внезапно передумал и решил позвонить Густаву Ластоону. Клаус сказал, что ему необходимо снова поговорить с ним. Они договорились встретиться в одной неприметной пивной рядом с кафедральным собором.

– Это всего на несколько минут, – пообещал инспектор.

Он увеличил снимок раны, нарисованной на спине одной из девушек, затем извлек изображение символа на рукоятке кинжала и сохранил его в своем мобильнике. Потом сел в машину, включил мигалку и тронулся в путь. В этот раз он забыл включить музыку.

Когда Клаус подъехал к пивной, Густав Ластоон уже сидел за столиком у большого окна с видом на памятник Баху. Перед свидетелем стояла бутылка пива. Свое длинное пальто он сменил на косуху из черной кожи.

– Вы передвигаетесь с большой скоростью, господин Ластоон.

– Я приехал на мотоцикле. Если вы не забыли, мне до сих пор не вернули автомобиль.

– Вы правы, я забыл. Какой у вас мотоцикл?

– Старый чоппер.

Усевшись за стол, Клаус Бауман заказал у официанта пиво и положил на стол выключенный мобильник.

– Поверьте, господин Ластоон, мне жаль, что пришлось снова побеспокоить вас, но есть одна вещь, которую мне необходимо с вами обсудить.

– Я уже говорил, что вы можете звонить мне в любое время.

– Я помню. Кроме того, я хотел вам сообщить, что нам удалось идентифицировать неизвестную, звонившую вам на мобильный. Это одна из мертвых девушек...

– Проклятье! – воскликнул Густав Ластоон, и его лицо в холодном свете, лившемся с потолка, стало еще бледнее.

– Эта молодая ирландка, которая выглядела как гот.

– Думаете, я вам соврал? – спросил гид, прежде чем сделать большой глоток пива.

– Нет, дело в другом. Это обстоятельство лишь подтверждает ваше предположение, что кто-то намеренно устроил вам ловушку, чтобы именно вы обнаружили трупы. Эта девушка, похоже, испытывала какое-то непреодолимое пристрастие к кладбищам. В Фейсбуке мы нашли множество ее фотографий, сделанных во время посещения самых известных кладбищ Европы, Азии, Америки и Австралии.

Инспектор взял мобильник и нашел фото улыбающейся Дороти О'Нил, которую скопировал этим утром из ее профиля в социальной сети. Потом передал телефон Густаву Ластоону.

– Вы ее узнаете?

– Совершенно уверен, что никогда ее не видел, – буркнул тот.

– А здесь? – настаивал инспектор, показывая ему фото Дороти, сделанное двумя годами раньше.

– Тоже не узнаю.

– Это та же девушка, снимок сделан на кладбище Зюдфридхоф во время фестиваля готики в 2014-м.

– В те дни в Лейпциг приезжали тысячи туристов. У меня никогда не было столько работы. Возможно, я с ней разговаривал, но не запомнил.

– Как вы думаете, господин Ластоон, что искала эта девушка в своих поездках по кладбищам всего мира?

– Смерть, – тихо ответил гид, как будто боялся, что его услышат посторонние.

– Но почему она нашла ее здесь, в Лейпциге?

– На этот вопрос вам придется ответить самому.

В сознании инспектора с новой силой всплыла мысль о групповом самоубийстве, которую не более часа назад высказывали судебные медики. Но если эти девушки добровольно расстались с жизнью, почему они позвонили гиду, чтобы именно он их нашел? И еще, какой смысл столь искусно обставлять свою смерть, превращая ее в сцену эротического ритуального действия? Не высказывая вслух свои мысли, Клаус Бауман показал гиду другое фото в своем мобильнике, при этом внимательно наблюдая за его реакцией.

Это был символ, который он видел на кинжале, изображенном в центре нарисованных ран на спинах трупов: три спирали, соединенные вместе в центре круга. Кладбищенский гид не стал дожидаться, когда инспектор задаст вопрос.

– Да, мне приходилось видеть этот символ, если вы это хотите знать. Но он выглядел не совсем так. – Достав из кармана куртки черную шариковую ручку, он взял маленькую салфетку и сделал быстрый набросок.

– У членов тайного нацистского общества «Стражи смерти», о котором я вам говорил, когда давал показания, на правом плече была татуировка в виде такого саркофага, – добавил он.

Эти слова только усилили недоверие Клауса Баумана. Его очень смущало то, что у человека, который обнаружил трупы, имелись готовые ответы на все его вопросы. Это могло означать, что Густав Ластоон действительно говорил правду... или что он причастен к смерти девушек, как предполагал комиссар Айзембаг.

– Хотите сказать, что на татуировке такой же шестиугольный саркофаг, как те нарисованные, на которых лежали трупы девушек? – произнес инспектор, пораженный новыми откровениями кладбищенского гида.

– Не совсем такой, но очень похожий.

– Почему вы ничего не сказали мне в комиссариате об этом саркофаге и об этом символе?

– Вы только что показали мне снимок. К тому же я убежден, если бы на допросе я стал рассказывать вам о саркофаге и символе, изображенном на татуировках «стражей смерти», вы бы мне не поверили.

Следующий вопрос инспектор выпалил не моргнув глазом:

– А почему я должен поверить вам сейчас?

– У меня сложилось такое впечатление, что вы начинаете мне доверять.

– Если я когда-нибудь поверю в вашу теорию, я сам вам об этом скажу.

– Позвольте кое о чем вас спросить...

– Спрашивайте, – отозвался Клаус, пристально глядя, как шевелятся губы кладбищенского гида между рыжеватыми усами и густой бородой.

– Что вы знаете об оккультизме и тайных нацистских обществах? – медленно произнес Густав Ластоон.

– То же, что и большинство людей, которые не верят сказкам. Меня никогда не интересовал этот аспект нацизма. Думаю, все эти выдумки – просто бред безумных убийц, захвативших высшую власть и насаждавших по всей Европе атмосферу ненависти и страха. Однако я готов выслушать все, что вы можете мне сказать, если это поможет найти организаторов смерти девушек.

– Самые страшные злодеяния в истории человечества можно понять, только если признать реальностью то безумие, которое охватило миллионы честных немцев и которое сейчас снова начинает расплзаться по миру. Идеологию нацизма невозможно объяснить, если не принять во внимание влияние концепции нацистских оккультистов, считавших человеческую злобу способом духовного освобождения и придававших ей магический смысл. Дьявол завладел их душами... Генрих Гиммлер и его маги вызывали его в эсэсовском замке Вевельсбург, и дьявол являлся.

– Это вы рассказываете своим клиентам во время экскурсий, чтобы произвести на них наибольшее впечатление?

– Думайте, что хотите, но я не сомневаюсь, что эта оккультная вера шефа СС распространилась среди его подчиненных и многие из них создали свои собственные тайные общества в городах, где жили до войны, с ритуалами и символами, выбранными согласно их эзотерическим убеждениям и дьявольским целям. Большинство из них исчезли после разгрома немецкой армии в 1945-м. Но «стражи смерти» продолжают собираться, исполнять свои ритуалы и до сих пор верят в бессмертие идеалов нацизма. По этой причине они выбрали своим символом трискель, иначе называемый трискелион, являющийся геометрическим воплощением цифры три, или треугольника, несмотря на его изогнутые линии и круг, в который он вписан. Для основателей тайного общества «Стражи смерти» он символизирует единство трех времен: героического прошлого арийских богов, бесконечного настоящего священных ритуалов и победоносного будущего нацизма во всем мире. Что такое, по-вашему, эти мертвые девушки, если не подношение «стражей смерти» своим богам?

– Почему вы так уверены в том, что сейчас сказали? В комиссариате вы говорили, что это предстоит установить мне.

– Экскурсоводу приходится просматривать множество документов, если он хочет быть честным со своими клиентами. Значение этого символа я выяснил уже очень давно, еще в ту пору, когда учился на историческом факультете университета. В поисках информации в библиотеке я наткнулся на докторскую диссертацию одного профессора из бывшей Германской Демократической Республики о деятельности СС в Лейпциге и о том, что до прихода американских войск Гитлер часто приезжал сюда с тайными визитами.

– Знаете что, господин Ластоон, – сказал Клаус Бауман, наклонившись вперед и угрожающе приблизив свои глаза к глазам гида. Густав Ластоон молча выдержал его взгляд, и инспектор продолжил: – Если бы все, что вы говорили с того момента, как обнаружили трупы, было правдой, то сценография и мотив преступления были бы полностью разгаданы меньше чем за двенадцать часов с момента смерти девушек. И все благодаря вам и вашим знаниям. Слишком уж все идеально, вам не кажется? – закончил Клаус Бауман. Произнося последние слова, он позволил ироничной усмешке скользнуть по его губам.

– А почему должно быть иначе?

– Потому что я до сих пор не понимаю, какова ваша истинная роль в этой зловещей истории.

– Я вам уже объяснял, что принял в ней участие не по своей воле. Ищите «стражей смерти», и найдете убийц этих девушек.

Клаус Бауман смягчил испытующий тон своего голоса, но продолжал смотреть на кладбищенского гида тяжелым взглядом.

– Дайте мне доказательства, господин Ластоон. Доказательства, а не легенды.

Этим вечером Клаус Бауман не ужинал дома. Ингрид просила, чтобы он разбудил ее независимо от того, в котором часу вернется.

Поговорив с женой о деле, которое он расследовал, инспектор заказал по телефону пиццу «Неаполитано» и сильно охлажденную банку пива и снова сосредоточился на написании отчета. Комиссар хотел прочитать его рано утром, перед тем, как будет лично говорить с министром.

Свет от настольной лампы падал на клавиатуру ноутбука, но вся комната утопала во мраке. В ушах Клауса Баумана торчали наушники. Он слушал музыку. Таковую же мрачную, как прожитый день.

С тех пор, как на рассвете он увидел трупы и всю сценографию места преступления, он не переставая пытался найти разумное объяснение тому, что произошло до и после смерти пяти

девушек. Судебные медики однозначно установили, что все девушки умерли в одно и то же время и по одной и той же причине. Однако расследование могло идти в разных направлениях: от странного группового самоубийства, или ритуального убийства, совершенного неизвестной сектой, до преступления, совершенного торговцами сексом и молодыми женщинами, или языческого обряда, совершенного тайным нацистским обществом.

Клаус откинулся на спинку своего рабочего кресла и закрыл глаза, – опираясь на факты и улики, которыми располагал, он постарался представить себе всю последовательность событий. Сейчас его не интересовали пробелы и сомнения, он временно мог заполнить их простыми рабочими гипотезами, пока не создаст правдоподобную версию произошедшего.

Его коллеги из бригады по расследованию высокотехнологичных преступлений добились определенных успехов в идентификации звонка, сделанного Густаву Ластоону молодой женщиной, пожелавшей перед рассветом посетить кладбище Зюдфридхоф. Номер мобильного был зарегистрирован в Ирландии на имя Дороти О'Нил – девушки двадцати одного года, проживавшей в графстве Керри, в небольшой деревушке с цветными домиками под названием Кенмер. Ирландская полиция проверила отпечатки ее пальцев и подтвердила ее личность без малейшего сомнения. Кроме того, на фотографиях из ее профиля в Фейсбуке была изображена одна из мертвых девушек, а на фотографиях, опубликованных в соцсетях, она представляла в характерной одежде готического стиля и почти всегда на фоне могил и мавзолеев на кладбищах, которые она посещала по всему миру. По сути дела, фотографии были хроникой ее некрологических путешествий, хотя в последние две недели она перестала выходить в социальные сети.

У Клауса не вызывало сомнений, что все это относилось к девушке с рыжими волосами, сбритыми с одной половины головы. По меньшей мере, в том, что касалось звонка девушки, Густав Ластоон не только не солгал, давая показания, но очевидно помог им в определении личности одного из трупов.

Тем не менее оставалось несколько вопросов, не дававших покоя инспектору Бауману и доводивших его до состояния одержимости. Почему, если эта молодая ирландка звонила Густаву Ластоону в одиннадцать часов утра, чтобы договориться встретиться с ним перед рассветом у монумента Битвы народов, та же самая девушка была обнаружена мертвой в одном из нарисованных саркофагов? И кто все-таки оставил ему деньги под камнем у входа? Действительно ли Дороти О'Нил сама звонила гиду со своего мобильного? И если это была она, то добровольно ли она говорила с ним, или ее заставили?

Вместе с тем Клаус не был уверен, что кладбищенский гид не имеет никакого отношения к этому преступлению. Возможно, его роль в этой зловещей пьесе заключалась в том, чтобы с самого начала направить расследование в эзотерический лабиринт с бесчисленными ложными выходами, которые Густав Ластоон знал и контролировал.

Эти сомнения не переставая крутились у него в голове, словно по какой-то гипнотической спирали.

Когда он закончил редактировать свой обширный доклад для комиссара, часы показывали час ночи. Ему понадобилось еще двадцать минут, чтобы добраться до своего дома на Гохлис-Митте, на севере города. Открыв дверь, Клаус увидел, что в гостиной горит свет.

Ингрид ждала его с книгой в руках. Он подошел к ней и поцеловал в губы.

– Почему ты до сих пор не спишь?

– В нашей кровати спят девочки... Я подумала, что перед сном тебе захочется немного расслабиться на диване.

Клаус понял, на что намекает Ингрид. Потом она встала, подошла к дивану, сбросила халат и, оставшись совсем голой, встала перед ним. Забравшись на подушки, она встала на колени так, что ноги Клауса оказались у нее между ног, и начала массировать ему затылок, а он ласкал ее грудь.

Глава 14

Убивать легко. Достаточно решиться и сделать это. Вокруг существует масса доступных способов осуществить свое намерение. Но некоторых пугает даже мысль о том, чтобы затоптать вереницу муравьев, забравшихся к ним на террасу, или о том, чтобы прихлопнуть надоедливую муху своими миролюбивыми руками. Я знаю, что муравьи и мухи не понимают, что играют со смертью, проникая в наше личное пространство, и мне известны все эти теории, что каждое насекомое имеет для природы такую же важность, как жизнь любого другого живого существа, населяющего нашу планету, включая человека как высшего и самого умного из этих существ. Когда-то я тоже так считала.

Чего не хотят понимать многие люди, так это того, что среди нас есть существа гораздо более опасные и жестокие, чем дикие звери. Их трудно распознать в городской толпе, потому что они одеваются, говорят и ведут себя так же, как все остальные. Их невозможно определить по цвету кожи, волос или глаз... Они могут быть высокими или низкорослыми, худыми или толстыми, любезными и улыбочивыми или серьезными и угрюмыми. Они очень хорошо знают, как оставаться незамеченными. Никому и никогда не раскрыть их чудовищной сущности, пока они сами не проявят ее и не станет слишком поздно, чтобы вырваться из их когтей. И это не вопрос доверчивости или наивности. Просто их злоба никак не проявляет себя, существуя незримо только в их мыслях. Ни один человек из тех, кто хотя бы раз стал-кивался с ними, не может по-настоящему понять, что я имею в виду. Я называю их «люди-монстры» и очень хорошо знаю, о чем говорю.

На часах ровно двенадцать ночи, и я не уверена, что кто-нибудь из «девчонок из выгребной ямы» ждет, что я открою сессию своего чата.

Черная Луна: Привет! Я готова ответить на любой вопрос, который вам хочется задать после моего вчерашнего признания. Понимаю ваше молчание. Если хотите, вы можете сменить тему разговора. Возможно, вас больше интересует что-то другое.

Балерина: Не надо нам указывать, что мы можем, а чего не можем делать в чате. Мы достаточно взрослые девочки, чтобы решать это самостоятельно.

Туманность: Честно говоря, Черная Луна, мне вчера было сильно не по себе после того, что ты сказала. Но я хочу задать тебе один вопрос.

Черная Луна: Да?

Туманность: Что тебя заставило убить этого человека?

Черная Луна: Я спасала свою жизнь. Он бы убил меня, если бы я его не опередила. Я перестала ему подчиняться и этим подписала себе смертный приговор. Я слишком много знала о его преступлениях. Он был педофилом и садистом, настоящий человек-монстр. Когда я отказалась удовлетворять его самые извращенные желания, он пригрозил, что сожжет меня живьем, отрежет мне груди или руки. У меня не было другого выхода.

Балерина: Ты могла сдать его полиции. Как должна была сделать любая женщина в твоём положении.

Черная Луна: Это зависит от того, кто эта женщина. Он всегда говорил, что, если я что-нибудь расскажу, меня тоже отправят в тюрьму, как его сообщницу. И мог представить достаточно доказательств. Иногда он заставлял меня участвовать в его извращенных играх.

Туманность: Я не понимаю, почему ты от него не ушла.

Черная Луна: Если бабочка попадет в паутину, ей уже не вырваться. И бесполезно махать крыльшками. Она не сможет улететь, только сильнее запутается в липких нитях.

Ведьмина Голова: И как ты его убила?

Черная Луна: Перерезала ему горло одним из его ножей, пока он спал.

Балерина: Блин, какого черта ты тут несешь! Ты зря теряешь время, если ждешь, что мы поверим этому бреду.

Туманность: Извините, меня сейчас вырвет...

Черная Луна: В ту ночь я сильно напилась. Думаю, это добавило мне смелости убить его таким способом. Он хранил много всякого оружия в той старой деревенской хибаре, где мы жили, и среди всего прочего ножи, финки, кинжалы, топоры разного размера, и все очень острые.

Балерина: Ты сумасшедшая, Черная Луна, просто сумасшедшая!

Яблоко П: Я тебе верю.

Балерина: Именно так поступает убийца!

Черная Луна: В ту ночь я думала не об этом.

Балерина: Ты меня пугаешь, Черная Луна.

Черная Луна: Знаю.

Ведьмина Голова: По сравнению с твоей историей средневековая легенда моего дедушки просто детский лепет. Не понимаю, как нормальный человек может сделать такое.

Черная Луна: Я не была нормальным человеком... не могла им быть.

Богомол: Честно говоря, мне бы тоже хотелось отомстить некоторым «людям-монстрам», как назвала их Черная Луна, но перерезать кому-то горло – это слишком жестко. Я склоняюсь к другим, более изящным способам.

Туманность: И никто тебя не заподозрил?

Черная Луна: Не знаю. В ту же ночь я сбежала из того дома, в котором мы жили. Я целый год сидела там взаперти и не знала никого из его друзей. И они меня не знали. Я уехала в другую страну по фальшивому паспорту, который он сам мне сделал за месяц до своей смерти, потому что хотел переехать в какой-нибудь азиатский город, где мог бы свободнее удовлетворять свои извращенные желания.

Балерина: Иными словами, ты была его личной шлюшкой, если называть вещи своими именами.

Богомол: Балерина, почему ты так ненавидишь Черную Луну?

Черная Луна: Это не важно.

Балерина: Это не ненависть, это несовместимость.

Богомол: Да брось ты играть словами.

Балерина: А ты иди и жри сама себя, а остальных оставь в покое.

Яблоко П: Тебе надо посмотреть чуть дальше собственного носа, прежде чем судить Черную Луну. Не всем жизнь предстает в таких радужных красках, как тебе.

Балерина: Я не сужу, а выражаю свое мнение. И если хочешь знать, мой любимый цвет серый.

Яблоко П: Извини, но мне все равно. Сейчас мне самой хочется спросить, теперь моя очередь.

Черная Луна: Спрашивай.

Яблоко П: Сколько времени прошло с тех пор, как это случилось?

Черная Луна: Чуть больше двух месяцев. Тогда-то я и придумала свой проект. Но за все это время я ни разу не пожалела, что убила «человека-монстра».

Балерина: Почему ты не рассказываешь нам, что он заставлял тебя делать?

Черная Луна: Это может причинить вам гораздо больше вреда, чем вы способны представить.

Туманность: Я предпочитаю не знать. Если соберешься рассказать, предупреди заранее, пожалуйста, чтобы я ушла на это время из чата.

Яблоко II: Мне тоже ни к чему знать подробности, хватает своих проблем с наркотиками.

Ведьмина Голова: Не скажу, что меня привлекают извращения, я гот, а не любитель крови. Но если мы собрались здесь, чтобы по-настоящему узнать, кто мы такие, заглянуть в самую глубину своих душ...

Богомол: Думаю, каждая из нас должна решить, останется ли она, чтобы узнать то, что расскажет Черная Луна. Я останусь.

Представляю, что происходит сейчас в голове «девчонок из выгребной ямы». Наверняка они считают меня одной из людей-монстров. Но они не знают, что страх способен разрушать эффективнее любого наркотика, каким бы сильным он ни был. Есть вещи, которые невозможно передать словами.

Черная Луна: Я оставлю ссылку на страницу в глубокой сети. Вы без труда найдете ее с помощью программы, которую мы установили на своих компьютерах, чтобы участвовать в этом чате. Те, кто захочет, смогут увидеть это своими глазами. Но я вас предупредила...

Глава 15

Сусанна проснулась задолго до звонка будильника, который установила у себя на мобильном телефоне. Она легла в два часа ночи и еще долго не могла уснуть. Немного болела голова. Она не привыкла пить так много белого вина. Сусанна встала с постели и подошла к рабочему столу. За окном еще стояла ночь. И тишина. Казалось, даже листья на деревьях в саду общежития не шевелятся, как будто спят.

Девушка открыла ноутбук и подключила зарядное устройство. Пока компьютер загружался, пошла в ванную и умылась. Холодная вода приятно освежила лицо. На ночном столике лежал мобильник. Но она не могла посылать сообщения по Ватсапу пока не подключится к немецкому оператору. Значит, оставался только Интернет и социальные сети. Этой ночью они с Бруно обменялись телефонами. Ей захотелось позвонить ему, разбудить и продолжить говорить о Лесси или о пяти мертвых девушках, обнаруженных в городе, куда она только что приехала. Сусанна понимала опасения Бруно, но считала их безосновательными. Наверняка пройдет еще несколько часов и все сомнения рассеются. Не может быть, чтобы ее наставница по программе «Эразмус» оказалась одной из этих девушек.

Сусанне без проблем удалось подключиться к Интернету. Она вошла в Гугл и быстро нашла ссылки на сообщения о мертвых девушках. Среди них были и видео с теленовостями, и многочисленные сообщения в газетах. Но во всех говорилось одно и то же, и она не узнала ничего нового по сравнению с тем, что рассказал Бруно. Некоторые заголовки, вроде «Девочки из сексуального некрополя», «Девочки в стиле „Плейбой“» или «Спящие красотки», показались ей оскорбительными. Кроме того, изображения памятника, где были найдены трупы, вызвали у нее внутреннее содрогание и заставили участиться пульс. Каждому, кто видел монумент впервые, он представлялся чем-то огромным и таинственным. Ей не составило труда представить стоящие перед входом в башню саркофаги с мертвыми телами. Любая из девушек, приехавших по программе «Эразмус», могла стать беззащитной жертвой притаившихся во тьме психопатов. Хотя общежитие Арно-Ницше находилось в тихом районе, вдалеке от центра и университета, Бруно посоветовал ей быть осторожной с незнакомыми людьми. До сих пор Лейпциг считался спокойным мирным городом, но с этого дня все изменилось.

«Никто больше никому не доверяет», – сказал Бруно.

Глава 16

За столом в комнате совещаний председательствовал комиссар. Справа от него сидел Клаус Бауман, рядом с ним Мирта Хогг, единственная женщина в отделе по расследованию убийств. Это была высокая красивая тридцатилетняя женщина с глазами очень темного цвета, как и ее прямые волосы, которые на работе она всегда убирала в короткий хвост. С другой стороны стола устроились инспекторы Карл Лайн и Ганс Бас-тех и просматривали какие-то бумаги.

Мирта Хогг первой изложила свои соображения. Она ничего не сказала ни о своем визите к бывшей жене Густава Ластоона, ни о местонахождении мастерской по ремонту мотоциклов, принадлежащей байкеру по прозвищу Флай, поскольку эти поручения, данные ей накануне вечером Клаусом Бауманом, были конфиденциальными. Вместо этого инспектор дала собравшимся характеристики городских художественных тусовок, занимавшихся трехмерной уличной живописью и бодиартом.

– Это действительно нечто выдающееся, – сказала она, выкладывая на стол впечатляющие цветные распечатки, которые тут же взял в руки комиссар. – Я всю ночь просидела в Интернете, – продолжила она, – в поисках информации, посвященной этой теме, и обнаружила потрясающие фотографии. Взять хотя бы подземную пещеру, изображенную в трех измерениях рядом с автобусной остановкой, красиво обставленную гостиную на фасаде здания или гигантскую улитку, которая выглядит совсем как настоящая, как и холсты с саркофагами мертвых девушек. И еще я нашла невероятные видео женщин, чье тело разрисовано так, словно на них надеты рубашки и джинсы. И в таком виде они расхаживают по улицам, спускаются в метро, заходят в торговые центры и в бары, и никто не понимает, что на самом деле они голые. Рисунок на месте преступления мог сделать только большой художник.

– В таком случае, с чего мы начнем? – спросил комиссар.

– Я составила список лейпцигских и берлинских художников и собираюсь в ближайшее время поговорить с некоторыми из них, хотя по-настоящему хороших среди них мало. Кроме того, я нашла в Интернете страницу, куда заходят самые известные в мире художники, работающие в трех измерениях. Среди них всего двое немцев. Было бы интересно услышать их мнение о саркофагах и нарисованном белье. Криминалисты изучают холсты, мелки и краски, использованные на месте преступления, чтобы определить их состав и места возможного приобретения. Одновременно с этим отдел по расследованию высокотехнологичных преступлений попытается установить совпадения и сходство между трехмерными изображениями на месте преступления и фотографиями произведений городских художников и специалистов по бодиарту, размещенных в Гугле и на Ютубе. Как только мы получим IP-адреса, мы сможем произвести сравнительный анализ художественных стилей, чтобы максимально сузить круг поисков возможных подозреваемых. Боюсь, это будет весьма кропотливая работа, – закончила инспектор Мирта Хогг.

– Первостепенную важность имеет установление личностей девушек, – напомнил комиссар.

Карл Лайн, худощавый мужчина сорока двух лет, со светлыми волосами и большими глазами, открыл досье, лежащее на столе.

– Судя по всему, определить имена и фамилии трупов тоже будет делом нелегким. Сегодня в первом часу ночи мы получили информацию от Федерального бюро идентификации. Отпечатки пальцев, принадлежащие этим девушкам, в дактилоскопической базе немецких женщин не обнаружены.

– Что еще больше усложняет дело, – констатировал комиссар.

– Мы также не узнали ничего интересного по поводу золотых линз. Они десятками продаются в Интернете, – добавил Карл Лайн.

Другой инспектор – Ганс Бастех, пятидесятилетний, лысый мужчина с круглым лицом, повернулся к комиссару, чтобы дополнить последнюю информацию, которой они располагали.

– Кроме того, – добавил он, – мы ждем ответа от Международного бюро пропавших людей, на случай если какая-нибудь запись совпадет с описанием внешности и фотографиями девушек, которые мы отправили в Европол и Интерпол.

– А та девушка-ирландка, которую удалось идентифицировать? Есть что-нибудь новое по поводу нее?

– Все данные, которые мы получили до начала заседания, включены в отчет, – ответил Карл Бауман.

– Я знаю, что они есть в отчете!.. Но я хочу, чтобы кто-нибудь мне их изложил. По-моему, я прошу не слишком много... – с хмурой усмешкой ответил комиссар.

Два инспектора вопросительно уставились на Клауса Баумана, спрашивая глазами, кто из них должен отвечать. Наконец Ганс Бастех повернул свою лысую голову и продолжил:

– Вчера вечером мы связались по телефону с ирландской полицией, и они нам сообщили, что Дороти О'Нил жила со своим отцом и его сиделкой в восстановленном старом замке. Ее отцу пятьдесят лет, он страдает патологическим ожирением и не может выходить из дома. Он довольно состоятельный человек, несмотря на свое скромное происхождение. Будучи сиротой, он вырос в доме кладбищенского сторожа. В молодости он работал в одной таверне и в конце концов основал в Дублине свою винокурню по производству виски и ликеров, которую продал после того, как чуть больше года назад пропала его жена. С тех пор он не выходит из своего замка. Сиделка, которая за ним ухаживает, сказала, что никто не сможет приехать в Лейпциг на опознание трупа, поэтому все, что связано с транспортировкой останков, нужно решать непосредственно с ирландским посольством в Берлине. Девушка увлекалась коллекционированием амулетов и факсимиле старинных текстов, посвященных колдовству, смерти и погребению.

– А зачем она приехала в Лейпциг?

– Она много путешествовала, участвуя в фестивалях готики и присутствуя на концертах тяжелого рока. Но, кроме того, она посещала кладбища, имеющие какой-либо особый туристический интерес, как художественный, так и магический. Две недели назад она отправилась в поездку, в ходе которой собиралась побывать в Лондоне, Париже, Праге, Варшаве, Берлине и в самом конце – в Лейпциге, куда, по словам сиделки ее отца, она должна была приехать три дня назад.

– Известно, где она остановилась?

– Мы над этим работаем. Она не зарегистрирована ни в одном из отелей города или его окрестностей. В телефонной компании, к которой подключен ее мобильный, зафиксирован только один позавчерашний звонок Густаву Ластоону, видимо, с того дня, когда она уехала из Ирландии, и до позавчерашнего дня она пользовалась другим телефоном. Но с тех пор она не делала других звонков. На Фейсбук она с тех пор тоже не заходила.

Карл Лайн откашлялся.

– Но в хронике посещения социальных сетей этой ирландской девушкой мы нашли старую запись от 6 июня 2014 года, где она рассказывает о фестивале готики в Лейпциге. Там мы нашли несколько ее селфи перед кладбищем Зюдфридхоф и внутри его, рядом с некоторыми могилами, – сказал инспектор, показывая комиссару фотографии.

Левой рукой Клеменс Айзембаг, не торопясь, взял их. Бросив на фотографии взгляд, он передал их Клаусу Бауману.

На первой фотографии Дороти О'Нил стояла на фоне башен кладбища, рядом с группой молодых людей, среди которых выделялись персонажи в длинных старинных платьях с соответствующими прическами и черными зонтами. На фотографиях внутри кладбища Зюдфрид-

хоф молодая ирландка появлялась с выбеленным лицом, темно-бордовыми губами и сильно накрашенными глазами. Тогда у нее были длинные кудрявые волосы с прядями светло-серого и белого цветов, сильно отличавшиеся от прически в ее профиле и на фотографии ее труп.

– Во время фестиваля, с 6-го по 9-е июня, – добавил инспектор, – Дороти О’Нил останавливалась – и, видимо, одна – в сюте «Грандотеля Хандельсхоф» и оплатила счет золотой картой ирландского банка «Эллид Айриш Банк».

– Не исключено, что во время посещения фестиваля готики 2014 года она могла познакомиться с Густавом Ластооном, и по этой причине у нее остался номер его мобильного, – пояснил Карл Лайн.

Комиссар зашевелился в своем кресле.

– Если эта девушка знала гида и позвонила ему на мобильный, чтобы на рассвете снова попасть на кладбище Зюдфридхоф, то как она могла оказаться среди мертвых девушек? Эти события не укладываются ни в одну правдоподобную версию преступления. Звонок Дороти О’Нил имеет смысл, только если эти девушки совершили самоубийство, как предполагают судебные медики, а Густав Ластоон помог им умереть. Он даже мог быть тем человеком, который дал им яд или этот неизвестный парализующий наркотик.

– Но он утверждает, что никогда не видел эту девушку, – заметил Клаус Бауман.

Тут вмешалась Мирта Хогг:

– Кроме того, какая-то другая женщина могла выдавать себя за ирландку, воспользовавшись ее мобильником.

– В таком случае телефонный звонок укладывается в версию Густава Ластоона о том, что кто-то мог устроить ему ловушку, чтобы он нашел трупы, – пояснил Клаус.

Жест комиссара говорил о том, что он с этим не согласен.

– Я убежден, что этот тип знает гораздо больше, чем рассказал до сих пор, – сказал он. – Я по-прежнему считаю, что ты ошибся, когда оставил его на свободе, не посоветовавшись со мной.

Клаусу Бауману не хотелось вступать в очередной спор с комиссаром. Он хотел сообщить кое-что важное в отношении замечания Мирты Хогг, поэтому сменил тему.

– Ребята из отдела высокотехнологичных преступлений нашли на холстах с изображениями саркофагов пару светлых волос и кусочек красного ногтя, не принадлежащие ни одной из девушек или гида. Это подтверждает гипотезу Мирты о существовании неизвестной женщины, находившейся на месте преступления и принимавшей в нем участие. Мы ждем результатов анализа ДНК. Густав Ластоон добровольно согласился сдать все анализы, которые необходимы, чтобы доказать его невиновность. Кроме того, мы сравним генетические характеристики с теми, что хранятся в федеральных и земельных архивах.

– Надеюсь, этот тип не играет с нами, Клаус, – пробурчал комиссар.

Мирта и два других инспектора просматривали копию доклада, которую только что передал им Клаус. Потом он добавил:

– Я несколько минут назад говорил по телефону с Густавом Ластооном. Сегодня в одиннадцать утра в Институте судебной медицины у него возьмут образцы крови и слюны.

– Наверно, мы должны будем назвать его имя прессе, как свидетеля, который обнаружил трупы, это позволит избежать проблем в будущем, – предложил комиссар.

– Но речь идет о кладбищенском гида! Все журналисты начнут спрашивать, как случилось, что именно он нашел девушек, и нам придется рассказать им о содержании звонка, сделанного гида одной из них. Мы не можем сообщить публике столько информации. Если личность девушки просочится в прессу, вокруг нас разразится такая буря, которая сравняет комиссариат с землей, – предупредил Клаус Бауман.

– Но как мы можем быть уверены, что он сам не начнет болтать об этом на всех телеканалах? – настаивал комиссар.

– Он этого не сделает. Ластоон человек осмотнительный, он не хочет иметь никаких дел с журналистами.

– Я сообщу министру, что мы пытаемся установить личность трупов и ведем расследование по нескольким направлениям: коллективное самоубийство членов секты, торговля женщинами, наркотрафик. Надеюсь, он успокоится, если узнает, что мы не выпускаем из виду того типа, который их нашел, – заключил он.

Клеменс Айзембаг встал из-за стола. Не говоря больше ни слова, он подошел к двери, открыл ее и вышел, с силой захлопнув ее снаружи.

Инспектора Мирту Хогг всегда поражала резкая реакция комиссара каждый раз, когда дела шли не так, как ему хотелось, однако Карл Лайн и Ганс Бастех и бровью не повели. «События таковы, как есть, независимо от того, какими их хочет видеть комиссар полиции», – подумал Клаус Бауман. Очевидно, что существование тайного общества офицеров СС в XXI веке невозможно. И дело не в том, верить или не верить в привидения. Однако было бы неверно считать бессмысленной версию Густава Ластоона о том, что они имели дело с какой-то группой неонацистов, в большом количестве появившихся в последнее время в таких восточных землях, как Бранденбург, Берлин, Тюрингия или Саксония. Они могли вдохновляться членами СС, устраивавшими тайные сборища во время Второй мировой войны в крипте монумента Битвы народов, чтобы совершать древние обряды «стражей смерти». Оргии с девушками или какие-то другие оккультные ритуалы могли выйти из-под контроля, даже если они не хотели их убивать. Хотя, возможно, у них с самого начала имелась какая-то неизвестная причина убить, не имевшая отношения к ксенофобии. Ни одно преступление на почве расизма, которое ему доводилось расследовать, не имело ничего общего с делом убитых девушек.

– Мы не будем ничего сообщать средствам массовой информации, пока у нас не будет полной уверенности, что среди жертв нет ни одной немки. Малейшая оплошность – и общественное мнение линчует нас без малейшего сочувствия, – объявил Клаус Бауман, прежде чем закончить совещание.

Новость уже разлетелась по всем газетам и телеканалам страны. Все с нетерпением ждали новых сообщений, и журналисты, не переставая, осаждали их своими вопросами.

В утренних программах всех каналов появились завсегдатаи различных ток-шоу, специализировавшихся на криминалистике, серийных убийствах, черной магии и сатанинских ритуалах, которые начали высказывать свои предположения миллионам телезрителей, не имевших понятия о том, с чем они имеют дело, с правдой или ложью, спекуляциями или слухами.

Однако только Клаус Бауман знал то, что рассказал ему Густав Ластоон о тайном обществе «Стражи смерти». И на данный момент он не собирался делиться этой информацией ни с кем, даже с комиссаром Клеменсом Айзембагом.

– Каждый из вас продолжит следовать нашему плану, – добавил он.

Помощница комиссара Фрида открыла дверь в зал заседаний и нашла глазами инспектора Баумана.

– У тебя звонок по второй линии. Некто Бруно Вайс – преподаватель из консерватории.

Глава 17

Провела весь вечер, читая Кафку. Впрочем, будет более точным – и менее претенциозным – сказать: перечитывая «Превращение» Кафки. Я читала его много раз. Каждый раз, когда я чувствую, что изменилась, читаю эту книгу. Человек, который просыпается в своей постели и понимает, что превратился в таракана, имеет со мной много общего. Несмотря на омерзительный вид, его нельзя назвать «человеком-монстром», потому что он не хотел быть таким, и вообще он хороший человек. Я тоже не хотела быть такой, какая я есть. Наверно, никто, кроме человека с черной душой, не хотел бы этого. Просто наступает момент, какая-то доля секунды, когда мы осознаем, что уже не те, кем были. Мир, наш мир вдруг становится пугающим, непостижимо враждебным, потому что с этого момента ты уже не принадлежишь ему. Свет начинает раздражать и даже вызывать боль, обычные житейские вещи больше не кажутся нам таковыми, окружающие люди превращаются в тени. Мы ищем какой-нибудь укромный угол, где можно незаметно спрятаться, перестаем нормально питаться и, сидя в своем убежище, ждем, когда рядом с нами упадут какие-нибудь органические отбросы, чтобы сожрать их. А потом нам остается только смотреть в бесконечность и ничего не видеть.

Не знаю, кто из «девчонок из выгребной ямы» заходил на ту страницу в глубокой сети. Но те, кто это сделал, больше никогда не станут прежними. Превращение неизбежно. Это как злокачественное поражение мозга. Оно может начаться, как небольшая ранка, но со временем будет расти до тех пор, пока не затронет каждый нейрон. Интересно, среди «девчонок из выгребной ямы» окажется ли такая, что, глядя на себя в зеркало, увидит жука, таракана, слизня или сороконожку.

Ровно в полночь я открываю чат.

Черная Луна: Привет!

Яблоко П: Сегодня вечером я ничего не принимала, хочу быть совершенно трезвой.

Туманность: Ты заходила на страницу, которую оставила Луна?

Яблоко П: Нет.

Туманность: Я тоже.

Яблоко П: А другие?

Другие не отвечают. Не знаю, входили они в чат или нет. Когда я создавала сайт в глубокой сети, то при открытии сессии не запрограммировала вывод на экран визуальной информации о каждой из нас. Теперь любая из них может присутствовать в чате так, что мы об этом не узнаем, пока она ничего не скажет. И только если кто-нибудь будет молчать две ночи подряд, ей будет закрыт доступ и она больше не сможет связываться с остальными и посылать им сообщения. В этом виртуальном пространстве мы существуем только как группа. И все, что здесь пишут, отображается на экранах у всех и остается в хронике.

Ведьмина Голова: Я заглянула только одним глазком, и мне хватило. Я больше не смогла выносить этих зверств.

Яблоко П: Блин! Не хочу знать, что ты увидела!

Богомол: По-моему, это ужас, ужас! Невозможно смотреть на экран. Неужели есть люди, которые могут творить такие вещи или платить за то, чтобы смотреть что-то подобное?

Балерина: Надо же, не ожидала такой чувствительности от «девчонок из выгребной ямы». Думала, вы покрепче. Я видела и более жесткое кино. К тому же, кто может доказать, что на этих кадрах действительно Черная Луна?

Я знаю, что вопрос Балерины обращен ко мне. Так она провоцирует меня, желая видеть мою реакцию. Но я не могу ответить как попало, надо сказать что-то весомое. Такое, что не оставит места для сомнений, что убедит всех в правдивости моих слов.

Черная Луна: Я не хотела возвращаться к прошлому после того, как убила «человека-монстра». Я сбежала оттуда и решила больше не оглядываться назад. Если кто-то из вас хочет проверить, правду ли я говорю, вы можете поискать сообщение о его смерти в Интернете или позвонить прямо в полицию. Его звали Милош Утка.

Балерина: Не надо изображать перед нами героиню. Ты прекрасно знаешь, что в глубокой сети тебя никто не сможет найти. Ты сама создала этот чат так, чтобы наши IP-адреса были скрыты за бесконечными слоями шифра, как сердцевина луковицы под шелухой.

Яблоко П: Слушай, что за хрень ты несешь! Тебе мало того, что ты видела на этой проклятой странице?

Балерина: Что я видела, я знаю. Чего я не знаю, так это, действительно ли та девушка на фотографиях Черная Луна, как она утверждает. И правда ли, что она убила того человека.

Богомол: После того немногого, что я увидела, будь я на месте Черной Луны, я бы тоже без малейшего колебания убила этого монстра.

Яблоко П: И какого подтверждения ждет от нее Балерина? Чтобы она положила голову монстра на поднос и подала нам на ужин?

Туманность: Пока вы тут болтаете, я поискала в Интернете имя Милоша Утки, но не нашла ни одного упоминания о нем. Ничего.

Балерина: Вот видишь, Черная Луна, ты можешь не волноваться. Твой «человек-монстр» существует только в твоём воображении.

Черная Луна: Я тоже поискала его в Гугле. Я никогда не делала это до сегодняшней ночи. Но мне не хочется, чтобы вы думали, будто я вру. Я сообщу вам другие ссылки на газеты, которые давали сообщение об убийстве Утки, но они на сербском, и вам придется переводить их на английский.

Балерина: Как ты ни старайся, мы все равно не сможем проверить, что именно ты его убила. До того как создать этот чат, ты нам говорила, что твой проект имеет какое-то отношение к книге, которую ты пишешь. Судя по всему, это будет какая-то фантастика, верно?

Ведьмина Голова: Хватит, Балерина, перестань! Ты прямо как инквизитор какой-то!

Черная Луна: Книга – это часть моего проекта, мы пишем ее все вместе.

Глава 18

Этот день выдался более светлым, чем день ее приезда в Лейпциг. Сусанну порадовало голубое небо, проглядывавшее среди туч. В толпе студентов обоего пола, стоявших на остановке трамвая, она сразу заметила Илиана Волки и, подойдя ближе, тронула его за плечо. Его глаза за стеклами очков радостно вспыхнули.

– Куда ты подевалась вчера вечером? Я искал тебя по всему общежитию, но так и не нашел.

– Я же тебя предупреждала, что мне нравится импровизировать.

– А я так за тебя волновался, что простоял у входа в общежитие до часа ночи. Все ушли с праздника до двенадцати... Ты разве не слышала про убийства?

Илиан выглядел искренне встревоженным.

– Да... я знаю, что случилось с этими девушками. Я встала очень рано и спустилась в столовую позавтракать. В общежитии все с самого утра только об этом и говорят.

– Ты не обязана мне объяснять, что делала вчера вечером, мы едва знакомы, но я д-д... думаю, что тебе надо быть осторожной, когда ты ходишь одна рано утром.

– Я ездила ужинать в центр с одним приятелем, и он привез меня назад, но я очень ценю, что ты ждал меня допоздна. Ты не обязан делать ничего подобного.

– Да ладно... все равно мне не спалось. Пока я тебя ждал, я познакомился с кучей народа, который выходил на улицу покурить.

Сусанна искренне улыбнулась.

– Уверена, что ты очень скоро станешь самым популярным парнем в Арно-Ницше.

– Не смейся надо мной.

– Я говорю серьезно.

Трамвай открыл двери и ждал, когда войдут все пассажиры. Сусанна и Илиан расположились у окна, в хвосте одного из вагонов.

– Здесь мы не будем мешать тем, кто выходит, – заметил Илиан, и Сусанна снова улыбнулась. Ее первый знакомый по общежитию определенно предвидел все на свете, не упуская ни одной мелочи.

– Почему ты выбрал Арно-Ницше, ведь оно так далеко от университета? – спросила она.

– Мне его подсунули, я хотел выбрать другое. Я просил самое новое и самое близкое к универу, но на это никто не обратил внимания. Теперь я планирую как можно скорее п-п... поменять место жительства. Думаю скооперироваться с другими студентами и снять квартиру в центре. А ты не хочешь?

– Ну... я еще не решила, останусь здесь или нет.

Остановки трамвая быстро мелькали в окне одна за другой. Студенты продолжали входить и выходить, и свободного места оставалось все меньше. Илиан поднял воротник и беспокойно пошевелился.

– Не выношу толкучки, у меня клаустрофобия.

Сусанна воспользовалась тем, что ей пришлось повернуться, чтобы дать место еще одной девушке, и встала к Илиану спиной. Ей тоже приходила в голову мысль о том, чтобы сменить место жительства. Каждый день ездить в такую даль на трамвае означало тратить много времени, которое она считала слишком ценным, чтобы терять его в общественном транспорте. Илиан тут же завел разговор с девушкой, стоявшей рядом с ней. Она оказалась немкой и, как почти все пассажиры этого трамвая, ехала в университет.

Сусанна услышала, как она сказала, что в утренних новостях сообщили, будто одна из мертвых девушек оказалась ирландкой. Но она не училась в Лейпциге, а приехала в город на несколько дней как туристка.

Сусанна погрузилась в свои мысли. До этого момента ей удавалось сдерживать себя и не задумываться о том, кто она такая и какой, возможно, останется, сколько бы ни старалась это скрывать. С той минуты, когда она села в самолет, летевший в Лейпциг, ярость, которую она годами питала по отношению к своему телу, начала рассеиваться. Хотя она продолжала кружить над ее сознанием, внушая неуверенность, сомнения в том, к кому ее тянет, к мальчикам или к девочкам, и страх услышать голос своих фантомов, нашептывавших, что она урод, калека, которая никогда не сможет иметь детей и не способна раздеться, не испытывая стыда за себя. И конечно, она старалась бодриться, мысленно повторяя, что ее новая жизнь в Лейпциге быстро превратит эти мысли в забытое прошлое. Теперь ее наставником по «Эразмусу» стал Бруно Вайс, и в каком-то смысле она чувствовала, что находится под его защитой.

Войдя в современное здание университета, Сусанна и Или-ан с удивлением обнаружили в большом вестибюле с цветными стеклянными стенами репортеров с телевидения, которые брали интервью у студентов.

Илиан тут же поинтересовался у одного из операторов, что здесь происходит.

– Мы ждем, что ректор публично объявит, есть ли среди мертвых девушек студентки, приехавшие по программе «Эразмус».

– Ну и дела! – воскликнул Илиан.

Сусанна задержалась возле информационной доски.

– Здесь нам с тобой лучше разделить. Мне надо отнести документы на факультет филологии, а факультет точных наук находится в другой стороне. Тебе надо следовать вон тем указателям, – сказала она, показав в сторону одного из широких коридоров, открывавшихся из вестибюля в разных направлениях.

– Тогда встретимся в кафе после того, как нас запишут? Потом можем п-п... пообедать вместе. Сегодня занятий не будет.

– Нет, Илиан, не жди меня. И пожалуйста, никогда не надо меня ждать, если мы заранее не договорились о встрече. Я почти никогда не знаю заранее, куда пойду и когда вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.